

Меченая

Автор:

Ф. Каст

Меченая

Филис Кристина Каст

Кристин Каст

Обитель ночи #1

Это история о мире, очень похожем на наш, за исключением одного: рядом с людьми живут вампиры, которые являются полноправными членами общества. Вампирами не рождаются – ими становятся, получив Метку. Когда начинается превращение, у новичка есть лишь два пути: принять свою новую суть, отправившись на обучение в закрытую вампирскую школу Обитель Ночи, или умереть.

Так в Обители Ночи оказывается шестнадцатилетняя Зои Монтгомери. Впрочем, она получила свою Метку не совсем обычным способом, ведь ее избрала сама богиня вампиров – Никс. Теперь Зои предстоит обжиться в новом доме и искать свое место в мире вампиров, который на поверку оказывается гораздо более опасным, чем она себе представляла.

Ф. К. Каст, Кристин Каст

Меченая

Посвящается нашему прекрасному агенту

Мередит Бернштайн,

которая произнесла три волшебных слова: школа-пансион вампиров.

Мы любим тебя!

Благодарности

Мне бы хотелось поблагодарить моего замечательного ученика Джона Мэслина за помощь в исследовании, за прочтение многочисленных версий этой книги и отзывы на них. Он внес неоценимый вклад в книгу.

И большое СПАСИБО ребятам с уроков по творческому письму в учебный 2005-2006 год. Ваши общие идеи очень помогали (и веселили).

Также мне хочется поблагодарить мою прекрасную дочь Кристин за то, что следила, чтобы мы говорили как подростки. Я бы не справилась без тебя. (Она заставила меня это написать.)

Ф.К.

Хочу поблагодарить мою замечательную маму, больше известную как Ф.К., за то, что она такой невероятно талантливый писатель и что с ней так легко работать. (Ладно, она заставила меня это написать.)

Кристин

Обе – Ф.К. и Кристин – также хотят поблагодарить своего папу/дедушку Дика Каста за биологическую гипотезу, которую он помог создать в качестве основы

существования вампиров Обители Ночи. Мы любим тебя, папа/дедушка!

Из поэмы Гесиода, посвященной Никс, древнегреческому воплощению Ночи

Жилища ужасные сумрачной Ночи

Там расположены, густо одетые черным туманом.

Сын Иапета пред ними бескрайне широкое небо

На голове и на дланях, не зная усталости, держит

В месте, где с Ночью встречается День:

чрез высокий ступая

Медный порог.

(Гесиод, Теогония, 744, перевод В. Вересаева)

Глава 1

Как только я подумала, что день уже не может стать хуже, то увидела возле своего шкафчика мертвого парня. Кайла, как всегда, говорила без умолку и даже не заметила его. Сначала. Вообще-то теперь, вспоминая об этом, я понимаю, что больше никто его не замечал до тех пор, пока он не заговорил, а это, как ни трагично, еще раз демонстрирует мою чудаковатую неспособность быть как все.

– Нет, но, Зои, клянусь богом, Хит не так уж сильно напился после игры. Не будь с ним так сурова.

– Ага, – ответила я рассеянно, – конечно. – И кашлянула. Снова. Я ужасно себя чувствовала. Должно быть, я скоро слягу с тем, что мистер Вайз, мой более чем безумный учитель биологии, называл «подростковой чумой».

Если я умру, освободит ли это меня от завтрашней контрольной по геометрии? Остается только надеяться.

– Зои, ты вообще слушаешь меня? Думаю, он выпил всего четыре, не знаю, может, шесть банок пива и, возможно, три шота. Но дело даже не в этом. Он вообще бы не пил, если бы твои дурацкие родители не заставили тебя идти домой сразу после игры.

Мы обменялись страдальческими взглядами, выразившими полное единодушие по поводу последней несправедливости, учиненной моей матерью и злотчимом, за которого она вышла замуж три очень долгих года назад. Потом, едва сделав передышку, Кай вернулась к своей болтовне.

– К тому же он праздновал. Мы же победили «Юнион»! – Кай потрясла меня за плечо и наклонилась ко мне. – Эй! Твой парень...

– Мой почти-парень, – исправила я ее, изо всех сил стараясь не кашлять на нее.

– Какая разница. Хит – наш кватербек, так что, конечно же, он будет праздновать. С победы «Брокен Эрроу» над «Юнион» прошел миллион лет.

– На самом деле шестнадцать. – У меня плохо с математикой, но на фоне Кай я – гений.

– Да какая разница! Дело в том, что он был счастлив. Дай парню отдохнуть.

– Дело в том, что он напился вроде как пятый раз за неделю. Прости, но я не хочу встречаться с парнем, чьей главной целью в жизни было играть в футбольной команде колледжа, а стало – выдуть шесть бутылок и не проблеяться. Уже не говоря о том, что от всего этого пива он растолстеет. –

Мне пришлось замолчать, чтобы прокашляться. Слегка кружилась голова, и я заставила себя дышать медленно и глубоко, пока приступ кашля не закончился. Не то чтобы болтушка Кай это заметила.

- Ух! Растолстевший Хит - не хотелось бы такое увидеть.

Мне удалось подавить еще один позыв к кашлю. - И целоваться с ним - словно сосать пропитанный спиртом грязный носок.

Кай скривилась.

- Ладно, это ненормально. Но жаль, он такой сексуальный.

Я закатила глаза, даже не пытаюсь скрыть раздражение от ее типично поверхностных рассуждений.

- Ты такая ворчливая, когда болеешь. В любом случае ты даже не представляешь, каким потерянным щенком выглядел Хит, когда ты игнорировала его за обедом. Он даже не мог...

А потом я увидела его. Мертвого парня. Ладно, я достаточно быстро поняла, что технически он не был мертвым. Он был нежитью. Не человеком. Чем-то вроде того. Ученые говорили одно, простые люди другое, но конечный результат был один. Сомнений в его сущности не оставалось. Даже если бы я не почувствовала силу и тьму, исходящую от него, я никак не могла не увидеть его Метку - сапфирово-голубой полумесяц на лбу - и еще одну татуировку в виде переплетений, обрамляющую голубые глаза. Он был вампиром и даже хуже. Он был Ищейкой.

Вот же черт! Он стоял возле моего шкафчика.

- Зои, ты вообще не слушаешь меня!

А потом вампир заговорил, и его торжественные слова пронзили пространство между нами, опасные и соблазнительные, как кровь, смешанная с расплавленным шоколадом.

– Зои Монтгомери! Ночь выбрала тебя, и твоя смерть станет твоим рождением. Она взывает к тебе, откликнись на ее сладкий зов. Твоя судьба ждет тебя в Обители Ночи!

Он поднял длинный белый палец и указал им на меня. Голова взорвалась болью, а Кайла открыла рот и закричала.

* * *

Когда яркие пятна перед глазами наконец рассеялись, я подняла взгляд и увидела бледное лицо Кай прямо перед собой.

Как обычно, я произнесла первую глупость, что пришла в голову:

– Кай, твои глаза вылупились, как у мертвой рыбы.

– Он отметил тебя. Ох, Зои! У тебя отпечаток на лбу! – А потом она прижала трясущуюся ладонь к побелевшим губам, безуспешно пытаюсь удержать всхлип.

Я села и закашлялась. Головная боль была убийственной, и я потерла точку между бровями. Ныло так, словно меня укусила оса, и боль расползлась вокруг глаз и по скулам. Я чувствовала, что меня вот-вот вырвет.

– Зои! – Кай уже по-настоящему плакала, и ей приходилось говорить сквозь булькающее икание. – О. Мой. Бог. Тот парень был Ищейкой – вампир-Ищейка!

– Кай, – я отчаянно моргала, пытаюсь избавиться от боли в голове, – перестань плакать. Ты же знаешь, как я не люблю, когда ты плачешь. – Я протянула руку, чтобы похлопать ее по плечу и успокоить.

А она инстинктивно отшатнулась и отодвинулась от меня.

Я не могла в это поверить. Она действительно отшатнулась, словно боялась меня. Должно быть, она увидела в моих глазах боль, потому что сразу же начала без остановки тараторить:

– О боже, Зои! Что ты будешь делать? Ты же не можешь отправиться в то место! Ты не можешь стать одной из них. Этого не может быть! С кем же мне ходить на все футбольные матчи?

Я заметила, что во время своей тирады она ни на шаг ко мне не приблизилась. Пришлось подавить неприятное, ужасное чувство, грозившее довести меня до слез. Глаза сразу же высохли. Я хорошо скрываю слезы. В этом нет ничего удивительного, ведь у меня было три года практики.

– Все нормально. Я разберусь. Скорее всего, это... какая-то странная ошибка, – солгала я.

В действительности я не говорила, а просто произносила слова. Все еще кривясь от боли в голове, встала на ноги. Осмотревшись, я почувствовала облегчение от того, что мы с Кай были одни в математическом классе, а потом мне пришлось проглотить истерический смешок. Если бы я не сходила с ума по поводу адской контрольной по геометрии и не побежала бы к шкафчику, чтобы забрать книгу и попытаться отчаянно (и безуспешно) позаниматься сегодня вечером, Ищейка пометил бы меня прямо на глазах у 1300 учеников средней школы пригорода Тулсы Брокен Эрроу. Как раз, когда все они собрались бы в ожидании того, что моя глупая барбиподобная сестрица пафосно называла «большим желтым лимузином». У меня есть машина, но стоять с менее удачливыми ребятами, которым нужно ехать на автобусе – старая традиция, не говоря уже о том, что это идеальный способ проверить, кто на кого запал. Так что в математическом классе был еще только один человек – высокий, худой ботаник с плохими зубами, которые, к сожалению, я хорошо могла рассмотреть, потому что он стоял с разинутым ртом. И смотрел на меня так, словно я только что родила стаю летающих свиней.

Я снова закашлялась. В этот раз влажным, отвратительным кашлем. Ботаник издал визг и побежал по коридору к кабинету миссис Дей, прижимая планшет к костлявой груди. Думаю, шахматный клуб перенес время встреч на понедельник после занятий.

Играют ли вампиры в шахматы? Существуют ли вампиры-ботаники? Как насчет похожих на Барби вампиров-чирлидеров? Играют ли вампиры в музыкальных группах? Существуют ли эмо-вампиры – парни в женских штанах и с ужасной челкой на пол-лица? Или все вампиры – ненормальные готы, предпочитающие не мыться? Неужели и я стану готом? Или еще хуже – эмо? Мне не особенно

нравилось носить черное, по крайней мере одно только черное, и я не почувствовала резкой неприязни к воде и мылу, как и навязчивого желания изменить прическу или жирно подвести глаза.

Все это вертелось в моей голове, а я чувствовала еще один приступ истерического смеха, рвущийся наружу, и была почти благодарна, когда он вырвался в виде кашля.

– Зои? Ты в порядке? – Голос Кайлы казался слишком высоким, словно кто-то щипал ее, и она отступила от меня еще на шаг.

Я вздохнула и почувствовала первый приступ злости. Я ведь не просила об этом. Мы с Кай были друзьями с третьего класса, а теперь она смотрела на меня так, словно я превратилась в монстра.

– Кайла, это всего лишь я. Такая же, как две секунды назад и два часа назад, как и два дня назад. – Я раздраженным жестом указала на гудящую голову. – Это не меняет того, кем я являюсь!

В глазах Кай снова появились слезы, но, к счастью, ее телефон начал петь «Material girl» Мадонны. Она машинально взглянула на имя звонившего и сразу же сделалась похожа на кролика, попавшего в лучи автомобильных фар, из чего я сделала вывод, что это ее парень Джаред.

– Давай, – сказала я бесцветным, уставшим голосом. – Езжай с ним домой.

Облегчение на ее лице было словно пощечина.

– Позвонишь мне попозже? – бросила она через плечо, спеша вон из школы через боковую дверь.

Я наблюдала, как она неслась через восточную лужайку на парковку. Прижав телефон к уху, она что-то оживленно рассказывала Джареду. Уверена, подруга в красках описывала ему, что я превращаюсь в чудовище.

Проблема, конечно же, состояла в том, что превращение в монстра было самым лучшим из двух вариантов. Вариант номер один: я превращаюсь в вампира, что

равнозначно монстру, по мнению практически любого человека. Вариант номер два: мое тело не принимает Изменение, и я умираю. Навсегда.

Так что хорошие новости в том, что мне не нужно будет завтра писать контрольную по геометрии.

Плохие новости: мне придется переехать в Обитель Ночи, частный пансион в центре Тулсы, известный всем моим друзьям как школа-пансион вампиров, где я проведу следующие четыре года, проходя странные и неопишуемые физические изменения, и моя жизнь бесповоротно и полностью перевернется. И только в том случае, если весь этот процесс меня не убьет.

Отлично. Я не хотела ни того, ни другого. Я просто хотела попробовать быть нормальной, несмотря на ношу в виде мегаконсервативных родителей, похожего на тролля младшего брата и идеальной старшей сестры. Я хотела сдать геометрию. Я хотела получать хорошие оценки, чтобы попасть в ветеринарный колледж при университете штата и выбраться из Брокен Эрроу в Оклахоме. Но больше всего мне хотелось быть как другие – по крайней мере, в школе. Дома все было безнадежно, так что мне оставались лишь друзья и жизнь подальше от семьи.

Теперь и это у меня отняли.

Я потеряла лоб и взъерошила волосы, пока они наполовину не закрыли глаза и, надеюсь, метку, появившуюся над ними. Склонив голову, словно мне понадобилось что-то в сумочке, я поспешила к двери, ведущей на парковку для учеников.

Но я остановилась прямо перед выходом. Через расположенные рядом окна я увидела Хита. Девушки столпились вокруг него, позируя и потряхивая волосами, пока парни газовали на нелепо больших пикапах и пытались (в основном безуспешно) выглядеть крутыми. Представляете, кому я отдала свои симпатии? Нет, если быть честной перед самой собой, не стоило забывать, что Хит был когда-то невероятно милым, и даже сейчас случались такие моменты. В основном когда он старался оставаться трезвым.

С парковки до меня доносилось писклявое хихиканье девушек. Отлично. Кэти Рихтер, главная шлюха школы, понарошку бьет Хита. Даже со своего места мне

было очевидно: она думала, что такой удар – нечто вроде элемента брачного танца. Как обычно, ничего не подозревающий Хит просто стоял и улыбался. Ну, черт возьми, день лучше уже не станет. И вон он, мой цвета голубого яйца малиновки «Фольксваген Жук» 1966 года, прямо посреди этой хохочущей своры. Нет. Я не могла выйти туда. Не могла пройти через всю толпу с этой штукой на лбу. Я уже слишком хорошо знала, что они сделают. Я помнила последнего человека, которого Ищейка отметил в нашей школе.

Это случилось в начале прошлого школьного года. Ищейка пришел до начала занятий и указал на ученика, идущего на свой первый урок. Я не застала вампира, но видела парня после этого. Всего секунду после того, как он выронил учебники и выбежал из здания: его новая Метка горела на лбу, а слезы лились по слишком бледным щекам. Я так и не забыла, какими оживленными были коридоры в то утро и как все отшатывались от него, как от чумного, а потом он выбежал через главный вход школы. Я была одной из тех, кто пропустил его и смотрел вслед, хотя мне и было по-настоящему жаль парня. Я просто не хотела, чтобы меня заклеямили как «ту девушку, которая дружит с фриками». Какая ирония, не так ли?

Вместо того чтобы пойти к машине, я направилась к ближайшему туалету, к счастью, пустому. Там было три кабинки – ага, я проверила все на наличие ног. У одной стены стояли две раковины, над которыми висели два небольших зеркала. Противоположную стену закрывало огромное зеркало с полочкой снизу для расчесок, косметичек и всякого такого. Я положила сумочку и учебник по геометрии на эту полочку, сделала глубокий вдох и одним движением подняла голову и смахнула волосы со лба.

Я словно смотрела на лицо знакомого незнакомца. Знаете, того человека, которого вы видите в толпе и готовы поклясться, что знаете его, но это не так? Теперь такой была я – знакомым незнакомцем.

У нее были мои глаза. Такого же орехового цвета, так и не решившие, карие они или зеленые, но мои глаза никогда не были такими большими и круглыми. Или были? У нее были мои волосы – длинные и прямые, почти такие же темные, как и у моей бабушки, прежде чем она начала седеть. У незнакомки были мои скулы, длинный, решительный нос и большой рот – снова черты моей бабушки и ее предков-чироки. Но мое лицо никогда не было таким бледным. Кожа всегда была немного оливковой, намного темнее, чем у других членов семьи. Но, возможно, дело не в том, что моя кожа внезапно стала такой белой... Может, она просто

выглядела бледной по сравнению с темно-голубым контуром полумесяца, расположенного точно посередине моего лба. Или, может, все дело в этом ужасном флуоресцентном освещении. Я надеялась, что все дело в последнем.

Я уставилась на экзотическую на вид татуировку. В сочетании с моими резкими чертами чироки, она, казалось, придала мне какой-то первобытности... Словно я принадлежала тем древним временам, когда мир был большим... и более диким.

С этого дня моя жизнь больше не будет прежней. И на мгновение – всего лишь на секунду – я забыла о том, как ужасно отличаться от других, и почувствовала шокирующий прилив удовольствия, а глубоко внутри меня радовалась кровь народа моей бабушки.

Глава 2

Когда я решила, что прошло достаточно времени и все уже должны были уйти из школы, я снова прикрыла лоб волосами и вышла из туалета, спеша к дверям, ведущим на ученическую парковку. Казалось, все чисто, только на дальнем конце стоянки шел парень в тех некрасивых псевдомодных мешковатых штанах. Попытки не дать им свалиться на ходу поглотили все его внимание: он меня даже не заметил. Я сжала зубы, борясь с пульсирующей болью в голове, и устремилась через дверь, направляясь к моему маленькому «Жучку».

Как только я вышла на улицу, на меня обрушился свет. На самом деле день был не особенно солнечный; куча больших пушистых облаков, словно с картинки, плыла по небу, наполовину закрывая солнце. Но это было не важно. Мне пришлось до боли сощуриться и прикрываться рукой от этого мерцающего света. Думаю, я так старательно сосредоточилась на боли, причиненной обычным солнцем, что не заметила пикап, пока он с визгом не остановился передо мной.

– Привет, Зо! Ты получила мое сообщение?

Вот же черт-черт-черт! Это был Хит. Я подняла взгляд и глянула на него сквозь пальцы, словно смотрела один из тупых кровавых ужастиков. Он сидел на

открытом заднем борту пикапа его друга Дастина. За его плечом я видела кабину, где Дастин с братом Дрю делали то же, что и обычно: боролись и спорили по поводу бог знает каких глупых мальчишеских дел. К счастью, меня они игнорировали. Я снова взглянула на Хита и вздохнула. В руке он держал пиво, а на лице застыла дурацкая улыбка. Тут же забыв, что мне только что оставили Метку и теперь мне суждено стать кровососущим изгоем-вампиром, я скорчила рожицу Хиту.

- Ты пьешь в школе! С ума сошел?

Его мальчишеская ухмылка стала еще шире.

- Да, я без ума от тебя, крошка!

Я покачала головой, отвернувшись и открывая дверь в мой «Жучок». Потом положила книги и рюкзак на пассажирское сиденье.

- Почему вы не на тренировке? – спросила я, все еще не поворачиваясь к нему.

- Ты не слышала? Нам дали выходной за то, что мы надрали задницу «Юниону» в пятницу!

Дастин и Дрю, которые, должно быть, все-таки прислушивались ко мне и Хиту, издали из пикапа несколько очень оклахомских возгласов «Вуу-хуу!» и «Да!».

- Оу. А, нет. Наверное, я пропустила объявление. Я сегодня была занята. Знаешь же, завтра контрольная по геометрии. – Я старалась, чтобы голос звучал нормально и спокойно. А потом я кашлянула и добавила: – К тому же у меня усиливается дурацкая простуда.

- Зо, серьезно. Ты сердишься, что ли? Кайла говорила какую-то фигню по поводу вечеринки? Ты же знаешь, я тебе не изменял.

Что? Кайла вообще ничего не говорила об измене Хита. Как идиотка, я забыла (ладно, на время) о своей новой Метке. Я развернулась, чтобы сердито глянуть на него.

– Что ты наделал, Хит?

– Я, Зо? Ты же знаешь, я бы не... – Его наигранная невинность и извинения трансформировались в выражение неприятного шока на лице и отвисшую челюсть, когда он заметил мою Метку. – Что за... – начал было он, но я его прервала.

– Тсс! – Я кивнула в сторону все еще ничего не подозревающих Дастина и Дрю, поющих теперь невпопад под последний CD Тоби Кита.

Глаза Хита стали еще шире, а шок в них все сильнее, но он понизил голос.

– Это какой-то грим для театрального кружка?

– Нет, – прошептала я, – это не так.

– Но тебе не могли оставить Метку. Мы же встречаемся.

– Мы не встречаемся! – И вот так моя передышка от кашля закончилась. Я чуть ли вдвое не сложилась, отхаркивая действительно мерзкую мокроту.

– Эй, Зо! – крикнул Дастин из кабины. – Тебе бы нужно отказаться от сигарет.

– Ага, такое впечатление, что ты выкашляешь легкое или типа того, – сказал Дрю.

– Чувак! Оставь ее в покое. Ты же знаешь, что она не курит. Она вампир.

Отлично. Потрясающе. Хит и его типичное полное отсутствие чего-то напоминающего такт, хотя прямо сейчас он за меня заступался и кричал на друзей. Которые, кстати, сразу же высунули головы из открытых окон и уставились на меня, словно я жертва какого-то неудачного научного эксперимента.

– Вот те на. Зои – чертов фрик! – сказал Дрю. Его бесчувственные слова заставили злость, бурлящую во мне с тех пор, как Кайла отшатнулась, вскипеть и выплеснуться. Не обращая внимания на боль от солнца, я посмотрела Дрю

прямо в глаза.

– А ну-ка завали! У меня был по-настоящему плохой день, и не хватало только выслушивать это дерьмо от тебя! – Я перевела взгляд с заткнувшегося и выпучившего глаза Дрю на Дастина и добавила: – Или от тебя.

Вглядываясь в глаза Дастина, я кое-что поняла – то, что шокировало меня и странно возбуждало: он выглядел испуганным. По-настоящему испуганным. Я зло посмотрела на Дрю. Он тоже был напуган. И тогда я это почувствовала. Покалывающее ощущение, ползущее по коже и заставившее мою новую Метку гореть.

Власть. Я почувствовала власть.

– Зо? Что за хрень? – Голос Хита привлек мое внимание и оторвал мой взгляд от братьев.

– Мы сваливаем! – сказал Дастин, заводя машину и нажимая на газ. Пикап прыгнул вперед, из-за чего Хит потерял равновесие и упал, отчаянно взмахнув руками и пролив пиво на асфальт парковки.

Инстинктивно я бросилась к нему.

– Ты в порядке? – Хит стоял на четвереньках, а я наклонилась, чтобы помочь ему подняться на ноги.

И тут я это почувствовала. Что-то умопомрачительно пахло – одновременно жарко, сладко и вкусно.

Хит сменил одеколон? Это одна из тех странных феромонных штуквин, которые должны притягивать женщин, словно большая генетически созданная электромухоловка? Я не понимала, как близко к нему нахожусь, пока он не встал прямо. Мы почти прижимались друг к другу. Он вопросительно посмотрел на меня.

Я не отстранилась от него. А нужно было. Раньше бы отошла... но не сейчас. Не сегодня.

– Зо? – тихо произнес он, его голос был глубоким и хриплым.

– Ты очень хорошо пахнешь, – не смогла промолчать я. Мое сердце так громко билось в груди, что я слышала его эхо в пульсирующих от боли висках.

– Зои, я действительно скучал по тебе. Нам нужно снова быть вместе. Ты же знаешь, я действительно люблю тебя. – Он протянул ко мне руку, чтобы дотронуться до лица, и мы оба заметили кровь на его ладони. – Вот черт. Думаю, я... – Его голос оборвался, когда он глянул на меня. Могу только представить, как я выглядела: белое лицо, новая Метка ярко очерчена сапфирово-голубым, а взгляд прикован к потекам крови на его руке. Я не могла пошевелиться. Не могла отвернуться.

– Я хочу... – прошептала я. – Я хочу... – Чего я хотела? Я не могла выразить это словами. Нет, дело не в том. Я не стану выражать это словами. Не скажу вслух о мощной волне раскаленного желания, чуть не утопившего меня. И дело не в том, что Хит стоял так близко. Он и раньше был близко. Черт, мы целовались и обнимались целый год, но никогда я так себя из-за него не чувствовала – ничего подобного. Я прикусила губу и застонала.

Пикап с визгом остановился, развернувшись возле нас. Дрю выпрыгнул из машины, обхватил Хита вокруг талии и потащил его в кабину пикапа.

– Отстань! Я разговариваю с Зои!

Хит пытался бороться с Дрю, но тот был старшим полузащитником Брокен Эрроу и по-настоящему большущим парнем. Дастин потянулся за ними и захлопнул дверь пикапа.

– Оставь его в покое, ты, урод! – крикнул мне Дрю, а Дастин завел пикап, и в этот раз они действительно унеслись прочь.

Я забралась в свой «Жучок». Руки тряслись так сильно, что я попала ключом в замок зажигания только с третьего раза.

– Просто доберись домой. Просто доберись домой. – Я повторяла эти слова снова и снова между выворачивающими приступами кашля, пока вела машину. Я не

стала думать о том, что только что случилось. Я не могла думать о том, что только что случилось.

* * *

Поездка домой заняла пятнадцать минут, но кажется, промелькнула в мгновение ока. Слишком быстро я оказалась на подъездной дороге, пытаюсь подготовиться к сцене, которая ждала меня внутри. В том, что сцена последует, я была уверена на сто процентов.

Почему я так стремилась добраться туда? Думаю, по сути, я не так уж стремилась. Просто спасалась от того, что случилось с Хитом на парковке.

Нет! Я не стану размышлять об этом прямо сейчас. В любом случае всему должно быть рациональное объяснение, логичное и простое. Дастин и Дрю были отсталыми, у них совершенно незрелые и пропитанные пивом мозги. Я не использовала жутковатую новую силу, чтобы напугать их. Они просто ужаснулись, потому что у меня была Метка. Вот и все. То есть люди боятся вампиров.

– Но я не вампир! – воскликнула я. А потом закашлялась и вспомнила, какой гипнотически красивой была кровь Хита, и волну желаний, которую я почувствовала. Не к Хиту, но к его крови.

Нет! Нет! Нет! Кровь не красивая и не желанная. Должно быть, я в шоке. Вот. В этом дело. Я была в шоке и не могла думать ясно. Ладно... ладно... В рассеянности я коснулась лба. Он перестал гореть, но казался другим. Я закашлялась в миллионный раз. Отлично. Я не стану думать о Хите, но больше я этого отрицать не могла. Я чувствовала, что меняюсь. Моя кожа стала ультрачувствительной. Грудь болела, и, хотя на мне были крутые очки Maui Jim, глаза болезненно слезились.

– Я умираю... – простонала я, а потом быстро закрыла рот. Я действительно могу умирать. Взгляд остановился на большом кирпичном здании, которое за три года так и не стало домом.

– Покончи с этим. Просто покончи с этим. – По крайней мере, моя сестра еще не дома, у нее тренировка чирлидеров. Можно понадеяться, что тролля загипнотизировала новая видеоигра Delta Force: Black Hawk Down. Возможно, я смогу поговорить с мамой наедине. Возможно, она поймет... она будет знать, что делать....

Вот черт! Мне шестнадцать, но внезапно я поняла, что ничего так не хочу, как спрятаться у мамы на коленках.

– Пожалуйста, пусть она поймет, – прошептала я простую молитву богу или богине, которые могли слышать меня.

Как обычно, я вошла через гараж. Прошла по коридору в свою комнату и бросила учебник по геометрии, сумочку и рюкзак на кровать. Затем я сделала глубокий вдох и направилась, слегка дрожа, на поиски мамы.

Она сидела в гостиной, свернувшись на краю дивана, попивая кофе и читая «Куриный бульон для женской души». Она казалась такой нормальной, такой же, как и раньше. Только вот раньше она читала «экзотические» романы и красилась. Обе эти вещи ее новый муж не разрешал (кусок дерьма).

– Мам?

– Да? – Она не подняла на меня взгляд.

Я тяжело сглотнула.

– Мамочка. – Я назвала ее так, как раньше, в дни до того, как она вышла замуж за Джона. – Мне нужна твоя помощь.

Не знаю, неожиданное использование слова «мамочка» или что-то другое в моем голосе пробудило какую-то крошечную часть маминой интуиции, которая все еще была где-то внутри нее, но ее взгляд сразу же оторвался от книги: он был мягким и полным заботы.

– Что такое, милая... – начала было она, а потом слова словно застыли на ее губах, когда глаза нашли Метку на моем лбу.

– О боже! Что ты натворила?

Сердце снова начало болеть.

– Mam, я ничего не сделала. Это случилось со мной, а не из-за меня. Это не моя вина.

– О, пожалуйста, нет! – запричитала она, словно я и слова не сказала. – Что скажет твой отец?

Мне хотелось крикнуть: «Как, черт побери, хоть одна из нас может знать, что скажет мой отец, мы не видели его и не получали от него весточек уже четырнадцать лет!» Но я знала, что это не поможет и всегда только злило ее, когда я напоминала, что Джон – не мой настоящий папа. Так что я попробовала другую тактику – ту, от которой отказалась три года назад.

– Mamочка, пожалуйста. Можешь просто не говорить ему? По крайней мере день или два? Просто давай оставим это между нами двумя, пока мы... не знаю... не свикнемся с этим или что-то вроде того. – Я задержала дыхание.

– Но что я скажу? Ты даже не можешь закрыть эту штуку макияжем. – Она скривила губы, нервно рассматривая полумесяц.

– Mam, я не имела в виду, что останусь здесь, пока мы будем привыкать. Мне нужно уйти, ты это знаешь. – Мне пришлось замолчать, так как сильный кашель сотряс мои плечи. – Ищейка отметил меня. Мне нужно переехать в Обитель Ночи или мне будет становиться все хуже и хуже. – «А потом я умру», – пыталась я сказать ей взглядом, ведь не могла по-настоящему произнести эти слова. – Мне просто нужна пара дней, прежде чем разобраться с... – Я замолчала, чтобы не произносить его имя, в этот раз специально закашляв, а это не было сложно.

– Что я скажу твоему отцу?

Я почувствовала прилив паники в ее голосе. Разве она не была мамой? Разве не должна она отвечать, а не задавать вопросы?

– Просто... просто скажи ему, что я проведу несколько дней в доме Кайлы, потому что у нас большой проект по биологии на двоих.

Я наблюдала, как меняется взгляд мамы. Из них исчезла забота, и ее заменила жесткость, которую я очень хорошо узнавала.

– То есть ты просишь меня солгать ему.

– Нет, мама. Я лишь прошу тебя хоть раз поставить мои нужды выше его. Я хочу, чтобы ты была мне мамой. Чтобы помогла мне уложить вещи и отвезла меня в новую школу, потому что мне плохо и страшно, и я не уверена, что справлюсь со всем сама! – Я быстро закончила речь, тяжело дыша и кашляя в руку.

– Я не знала, что перестала быть твоей мамой, – холодно сказала она.

От нее я устала даже больше, чем от Кайлы. Я вздохнула.

– Думаю, в этом и проблема, мам. Тебе настолько все равно, что ты не замечаешь. Тебя ничего не волновало, кроме Джона, с тех пор, как вы поженились.

Ее глаза, прикованные ко мне, сощурились.

– Как можешь ты быть такой эгоистичной. Разве ты не понимаешь, что он сделал для нас? Благодаря ему я смогла уйти с этой ужасной работы в «Дилларс». Благодаря ему нам не надо переживать из-за денег и у нас есть этот большой красивый дом. Благодаря ему мы в безопасности и у нас светлое будущее.

Я слышала эти слова так часто, что могла повторить их ей сама. На данном этапе наших не-разговоров я обычно извинялась и шла в комнату. Но сегодня я не могла извиниться. Сегодня я изменилась. Все изменилось.

– Нет, мама. Правда в том, что из-за него ты не уделяла внимание детям уже три года. Ты знала, что твоя старшая дочь превратилась в подлую избалованную шлюху, переспавшую с половиной футбольной команды? Знаешь ли ты про ужасные кровавые видеоигры, которые Кевин прячет от тебя? Нет, конечно же, нет. Они оба притворяются, что счастливы и что им нравится Джон и вся эта

иллюзия счастливой семьи, так что ты улыбаешься им, молишься за них и позволяешь делать, что они хотят. А я? Думаешь, я плохая, потому что не притворяюсь, потому что я честная. Знаешь, что? Мне так осточертела моя жизнь, что я рада, что Ищейка оставил на мне Метку! Они называют школу вампиров Обителью Ночи, но она не может быть мрачнее этого идеального дома! – Прежде чем перейти на крик или расплакаться, я развернулась и вошла в комнату, захлопывая дверь за собой.

Надеюсь, они все потонут.

Через слишком тонкие стены я слышала, как она в истерике звонила Джону. Не было сомнений, что он помчится домой, чтобы разобраться со мной. Вместо того чтобы сидеть на кровати и плакать, как мне хотелось, я вывалила школьные вещи из рюкзака. Понадобятся ли они мне там, куда я направляюсь? У них, скорее всего, даже нормальных уроков нет. Скорее всего, там есть занятия типа «Как разорвать горло человека 101 способом» и... и... «Вступительный курс: как видеть в темноте». Типа того.

Что бы моя мама сделала или не сделала, здесь я оставаться не могла. Мне нужно было уехать.

Так что мне нужно взять с собой?

Две любимые пары джинсов, помимо тех, что на мне. Пару черных футболок, что еще носят вампиры? Более того, они меня стройнят. Я почти отказалась от милого блестящего платья на бретельках цвета воды, но весь этот черный цвет повергнет меня в депрессию... Так что я взяла и его. Затем я засунула тонны бюстгалтеров, щипчиков, вещичек для волос и макияжа в боковой карман. Я чуть не оставила свою плюшевую игрушку – Фыбу Отиса (у меня не получалось произнести «рыба», когда мне было два года) – на подушке, но... ну... вампир или нет, не думаю, что смогла бы уснуть без него. Так что я аккуратно засунула его в дурацкий рюкзак.

А потом услышала стук в дверь и его голос, приказывающий выйти из комнаты.

– Что? – крикнула я, а потом согнулась в ужасном приступе кашля.

– Зои. Нам с мамой нужно поговорить с тобой. Отлично. Видимо, они не утонули.

Я погладила Фыбку Отиса.

– Отис, это отстой. – Я расправила плечи, снова покашляла и пошла на встречу с врагом.

Глава 3

С первого взгляда мой злотчим Джон Хеффер кажется обычным парнем, даже нормальным. (Да, это его настоящая фамилия, и, к сожалению, теперь это и фамилия моей мамы. Она миссис Хеффер[1 - Heffer (англ., слэнг) – корова, очень толстая женщина.]. Можете поверить?) Когда они с мамой начали встречаться, я слышала, как некоторые ее друзья называли его «красивым» и «очаровательным». Сначала. Конечно же, у мамы теперь совершенно новая компания друзей, тех, что мистер Красивый и Очаровательный посчитал подходящими, в отличие от группы веселых незамужних женщин, с которыми она раньше проводила время.

Мне он никогда не нравился. Seriously. И я говорю так не просто потому, что сейчас его не выношу. С первого дня знакомства с ним я видела только одно – притворство. Он притворяется хорошим парнем. Он притворяется хорошим мужем. Он даже притворяется хорошим отцом.

Он похож на любого другого папашу. У него темные волосы, худые куриные ноги и растущее брюшко. Его карие глаза, как и его душа, – выцветшие и холодные.

Я зашла в гостиную и увидела, что он стоит возле дивана. Мама сидела на краю, сжимая его руку. Ее глаза были красными и полными слез. Отлично. Теперь она будет изображать «обиженную мать-истеричку». С этой ролью она хорошо справляется.

Джон приступил к попыткам испепелить меня взглядом, но Метка отвлекла его. Его лицо исказилось от отвращения.

– Изыди, Сатана! – произнес он, словно на службе.

Я вздохнула:

– Это не Сатана. Это всего лишь я.

– Сейчас не время для сарказма, Зои, – сказала мама.

– Я справлюсь с этим, милая, – успокоил ее злотчим, рассеянно похлопывая по плечу, прежде чем снова обратить внимание на меня. – Я говорил, что твое плохое поведение и проблемный характер тебе аукнутся. Я даже не удивлен, что это случилось так скоро.

Я покачала головой. Это было ожидаемо. Я действительно ждала подобного, и все равно это шокировало меня. Весь мир знал, что никто никак не мог навлечь на себя Метку. Все эти «если тебя укусит вампир, ты умрешь и станешь одним из них» – просто выдумка. Ученые пытались понять, что вызывает события, ведущие к вампиризму, многие годы, надеясь, что если поймут, то смогут вылечить его или, по крайней мере, изобрести вакцину, чтобы сражаться с ним. Пока все безрезультатно. Но теперь Джон Хеффер, мой злотчим, внезапно обнаружил, что плохое поведение подростка – особенно мое плохое поведение, которое в основном состояло из периодической лжи, гневных мыслей, острых комментариев в адрес родителей и, может, еще полудетского влечения к Эштону Катчеру (жаль, что ему нравятся женщины постарше) – действительно вызывало реакцию в моем теле. Ну-ну! Кто бы мог подумать?

– Я не виновата в этом. – У меня наконец получилось заговорить. – Это случилось не из-за меня. Это случилось со мной. Любой ученый на планете согласен с этим.

– Ученые всего не знают. Они не люди Бога.

Я просто уставилась на него. Он – старейшина среди Людей Веры. Должность, которой он так гордится. Вот одна из вещей, которая привлекает в нем маму, и на строго логическом уровне я могла понять почему. Быть старейшиной значит быть успешным. У него хорошая работа. Милый дом. Идеальная семья. Ему полагалось делать и верить в правильные вещи. Формально он был отличным вариантом нового мужа и нашего отца. К сожалению, формальностью дело и ограничилось. И теперь, как и следовало ожидать, он собирался разыграть карту Старейшины и бросить Бога мне в лицо. Я бы поставила мои новые крутые туфельки «Стив Мэдден» на то, что это раздражало его Бога так же, как и меня.

Я попыталась снова.

– Мы проходили это на уроке продвинутой биологии. Это физиологическая реакция, происходящая в телах подростков, когда уровень гормонов поднимается. – Я сделала паузу, усиленно размышляя и гордясь собой за то, что помнила что-то из прошлого семестра. – В некоторых людях гормоны могут задействовать что-то в... эээ... эээ... – Я напрягла мозги и вспомнила: – Избыточная цепочка ДНК, она начинает Изменение. – Я улыбнулась, но не Джону, а своей способности вспомнить вещи из урока, пройденного месяцы назад. Я поняла, что улыбка была ошибкой, когда увидела знакомо сжатые челюсти.

– Знания Бога превосходят науку, и то, что ты думаешь по-другому, юная леди, – святотатство.

– Я не говорила, что ученые умнее Бога! – Я вскинула руки и попыталась подавить кашель. – Я просто объясняю, как все это устроено.

– Мне не нужны объяснения шестнадцатилетней.

Ну, на нем были ужасные штаны и кошмарная рубашка. Очевидно, что он нуждался в объяснении некоторых вещей подростком, но я знала, что сейчас не время упоминать его явно плохой вкус в одежде.

– Но Джон, дорогой, что мы будем с ней делать? Что скажут соседи? – Мамино лицо еще больше побледнело, и она подавила всхлип. – Что скажут люди на собрании в воскресенье?

Он сузил глаза, когда я открыла рот, чтобы ответить, и прервал меня, прежде чем я успела заговорить.

– Мы сделаем то, что должна сделать любая хорошая семья. Мы обратимся к Богу.

Они собираются отправить меня в монастырь? К сожалению, мне пришлось бороться с еще одним приступом кашля, так что он продолжал говорить.

– Мы позвоним доктору Эшеру. Он должен знать, как справиться с этой ситуацией.

Потрясающе. Восхитительно. Теперь он собирается позвонить нашему семейному психиатру, Невероятно Безэмоциональному Человеку. Отлично.

– Линда, позвони по горячей линии доктора Эшера. Думаю, будет разумным созвать всех на совместный молебен. Убедись, что другие старейшины знают, что им нужно собраться здесь.

Мама кивнула и начала вставать, но слова, вырвавшиеся из моего рта, заставили ее сесть обратно на диван.

– Что? Ваш ответ – позвонить психиатру, который вообще ничего не понимает в подростках, и вызвать сюда всех этих озлобленных старейшин? Словно они действительно могут мне чем-то помочь! Нет! Не понимаете? Мне нужно уехать. Сегодня же. – Я закашлялась – это был сжимающий внутренности звук, отдающийся болью в груди. – Видите! Станет только хуже, если я не уйду к... – Я колебалась. Почему так сложно произнести «вампирам»? Потому что звучало это так незнакомо – так окончательно – и часть меня признала это – фантастически. – Мне нужно отправиться в Обитель Ночи.

Мама подпрыгнула, и на мгновение я подумала, что она спасет меня. А потом Джон собственнически обнял ее за плечи. Она посмотрела на него, и когда повернулась снова ко мне, ее взгляд был почти извиняющимся, но слова, как и всегда, отражали только то, что хотел услышать от нее Джон.

– Зои, тебе же не навредит еще одна ночь дома?

– Конечно, нет, – сказал ей Джон. – Я уверен, доктор Эшер поймет необходимость приехать на дом. Здесь, с ним, ей будет хорошо. – Он погладил ее по плечу, притворяясь, что ему не все равно, но он казался не милым, а скользким.

Я переводила взгляд с него на маму. Они не дадут мне уйти. Не сегодня вечером и, скорее всего, никогда, по крайней мере пока меня не вынесут парамедики. Внезапно я поняла, что дело не только в Метке и перемене в моей жизни. Дело было в контроле. Если бы они меня отпустили, то по-своему бы проиграли. В

мамино случае мне хотелось думать, что она боялась потерять меня. Я знала, чего не хотел потерять Джон. Он не хотел утратить свою драгоценную власть и иллюзию, что мы идеальная маленькая семья. Как уже сказала мама: «Что подумают соседи... Что подумают люди на собрании в воскресенье?» Джону нужно было сохранить иллюзию, и если это означало позволить моему состоянию ухудшаться, тогда эту цену он был готов заплатить.

Но я не была готова.

Думаю, пришло время взять ситуацию в свои руки (в конце концов, на них хороший маникюр).

– Отлично, – сказала я. – Звоните доктору Эшеру. Приглашайте священников. Вы не против, если я пойду прилягу, пока все едут сюда? – Я специально закашляла.

– Конечно нет, милая, – сказала мама с очевидным облегчением. – Небольшой отдых, скорее всего, улучшит твое самочувствие. – А потом она освободилась от собственнических объятий Джона, улыбнулась и обняла меня. – Хочешь, я принесу тебе лекарства?

– Нет, все в порядке, – ответила я, цепляясь за нее мгновение, так отчаянно мечтая, чтобы это произошло три года назад, когда она все еще была моей, все еще на моей стороне. Затем я сделала глубокий вдох и отступила. – Я буду в порядке, – повторила я.

Она посмотрела на меня и кивнула, сказав, что ей жаль, единственным доступным ей способом – глазами.

Я отвернулась и направилась обратно в спальню. Злотчим сказал мне в спину:

– И почему бы тебе не оказать нам всем услугу и не попробовать найти пудру и замазать эту штуку на лбу?

Я даже не остановилась. Просто продолжила идти. Я не собиралась плакать.

«Я этого не забуду, – сурово сказала я самой себе. – Я не забуду, как ужасно они заставили меня чувствовать себя сегодня. Так что когда мне страшно и одиноко

и что бы еще со мной ни начало происходить, я не забуду, что ничего не может быть хуже нахождения здесь. Ничего».

Глава 4

Я сидела на постели, кашляла и слушала, как мама в панике звонила по экстренному номеру нашего психиатра. За этим последовал такой же истеричный звонок, который соберет на молитву всех этих ужасных Людей Веры. Через тридцать минут наш дом начнет наполняться толстыми женщинами и их мужьями-педофилами с глазами-бусинками. Они вызовут меня в гостиную. Мою Метку посчитают Действительно Большой и Постыдной Проблемой, так что, скорее всего, они намажут меня какой-то фигней, которая забьет мне поры и подарит циклопических размеров прыщ, прежде чем возложить на меня руки и молиться. Они попросят Бога помочь мне перестать быть таким ужасным подростком и проблемой для моих родителей. О, ну и с моей Меткой нужно бы тоже разобраться.

Если бы только все было так просто. Я с радостью заключила бы соглашение с Богом: буду хорошей девочкой и не поменяю школу или свою внешность. Я даже сдам контрольную по геометрии. Ну ладно. Может быть, не контрольную по геометрии – но, тем не менее, я вроде как не просила сделать меня фриком. Все это означало, что мне нужно уйти. Начать свою жизнь заново там, где я буду новенькой. Где-то, где у меня не было друзей. Я отчаянно заморгала, пытаюсь не расплакаться. Школа была единственным местом, где я чувствовала себя дома; друзья были моей единственной семьей. Я сжала кулаки и прижала их к лицу, чтобы не заплакать. Я привыкну. Шаг за шагом: буду делать по одному за раз.

Ни под каким предлогом я не собиралась общаться с клонами злотчима. Словно визит Людей Веры для меня недостаточная пытка, за ужасной серией молитв последует не менее раздражающий сеанс с доктором Эшером. Он задаст мне много вопросов по поводу того, как я себя чувствую из-за того или иного. Потом он продолжит трепаться о том, что подростковая злость и беспокойство – это нормально, но что только я могу выбрать, как это повлияет на мою жизнь... Бла-бла-бла... И раз это «экстренный случай», он скорее всего захочет, чтобы я что-то нарисовала, то, что представляет моего внутреннего ребенка или типа того.

Мне точно нужно выбираться отсюда.

Славно, что я всегда была «плохой девочкой» и хорошо подготовлена к такой ситуации. Ладно, не то чтобы я думала о побеге из дома и присоединении к вампирам, когда положила запасной ключ от машины в горшок за окном. Но я допускала, что мне может понадобится выбраться отсюда и отправиться в дом Кайлы. Или, если мне действительно хотелось быть плохой, я встречалась с Хитом на парковке, и мы целовались. Но потом он начал пить, а я стала превращаться в вампира. Иногда жизнь резко теряет смысл.

Я схватила рюкзак, открыла окно и с легкостью, говорившей о моей греховной натуре больше, чем скучные лекции злотчима, подняла москитную сетку. Я надела очки и выглянула наружу. Было всего полпятого или около того, еще не темно, так что я была рада, что наш забор скрывал меня от любопытных соседей. На этой стороне дома единственными другими окнами были окна сестры, а она должна быть на тренировке чирлидеров. (Наверное, ад замерзает, ведь я впервые была искренне рада, что мир сестры вращался вокруг того, что она называла «спортом поддержки».) Сначала я выбросила свой рюкзак, а затем последовала за ним из окна, стараясь не издать даже тихий «у-уф», приземляясь на траву. Я просидела там несколько минут, спрятав лицо в руках, чтобы заглушить свой ужасный кашель. Потом наклонилась и приподняла горшок с лавандой, которую мне подарила бабушка Редберд. Мои пальцы нащупали металлические ключи, примостившиеся в раздавленной траве.

Ворота даже не скрипнули, когда я их приоткрыла и выскользнула, как один из Ангелов Чарли. Мой симпатичный «Жучок» стоял, где и обычно: прямо перед третьей дверью в наш гараж на три машины. Злотчим не разрешал мне парковаться внутри, потому что его газонокосилка была важнее. (Важнее, чем винтажный «Фольксваген»? Как так? Это не имело смысла. Ух, я говорю как парень. С каких пор меня волнует винтажность моего «Жучка»? Должно быть, я действительно меняюсь.) Я глянула в обе стороны. Ничего. Бросилась к «Жучку», запрыгнула внутрь, поставила его на нейтралку и испытала благодарность, что наша подъездная дорога была такой нелепо наклонной, когда моя машина плавно и тихо выкатилась на улицу. Там было легче завести ее и понестись прочь из района Больших Богатых Домов.

Я даже не глянула в зеркало заднего вида.

Выключила свой мобильный. Не хотелось ни с кем разговаривать.

Нет, это не совсем правда. Был один человек, с которым мне хотелось поговорить. Она была единственная в мире, кто посмотрит на мою Метку и не подумает, что я монстр или урод, или ужасный человек. В этом я была уверена.

Мой «Жучок» словно читал мысли и сам повернул на шоссе, ведущее на магистраль Маскоджи и, в конце концов, самое прекрасное место на земле – лавандовую ферму моей бабушки Редберд.

* * *

В отличие от дороги из школы домой, полуторачасовая поездка на ферму бабушки казалась вечностью. К тому времени, как я съехала с двухполосного шоссе на твердую грунтовую дорогу, ведущую к бабушкиному дому, мое тело болело сильнее, чем после того, как школа наняла ту сумасшедшую новую физкультурницу. Она думала, что заставляя нас таскать тяжести, пока она щелкала кнутом и смеялась, – это хорошая идея. Ну ладно, может, кнута у нее и не было, но все-таки. Мышцы горели как в аду. Было почти шесть часов, и солнце наконец начало садиться, но глаза все еще жгло. Вообще-то даже от угасающего солнечного света кожу покалывало и не покидало неприятное ощущение. Я радовалась, что уже конец октября, ведь становилось достаточно прохладно, чтобы носить мою толстовку Borg Invasion 4D (конечно, она из тематического парка «Звездный путь: Следующее поколение» в Вегасе. Да-да, к сожалению, иногда я самый настоящий фанат «Звездного пути»), которая, к счастью, покрывала большую часть моей кожи. Прежде чем выбраться из «Жучка», я порылась на заднем сиденье, пока не нашла старую бейсболку с надписью OSU и натянула на голову, чтобы скрыть лицо от солнца.

Дом моей бабушки находился между двумя лавандовыми полями и в тени огромных старых дубов. Он был построен в 1942 году из сырого оклахомского камня. У него были удобное крыльцо и необычайно большие окна. Мне нравился этот дом. Просто забираясь по маленьким деревянным ступенькам, ведущим к порогу, я чувствовала себя лучше... в большей безопасности. А потом я увидела записку, прикрепленную снаружи двери. Красивый почерк бабушки был легко узнаваем: «Я на утесе, собираю дикие цветы».

Я прикоснулась к мягкой, пахнущей лавандой бумаге. Она всегда знала, когда я ехала навестить ее. В детстве я, бывало, считала это странным, но, став старше,

оценила ее чутье. Всю свою жизнь я знала, что бы ни случилось, я могла положиться на бабушку Редберд. В течение этих ужасных первых месяцев после свадьбы мамы и Джона, думаю, я бы завяла и умерла, если бы не могла сбегать каждые выходные в дом бабушки.

Мгновение я раздумывала над тем, чтобы войти (бабушка никогда не запирала двери) и подождать ее внутри, но мне нужно было увидеть ее, нужно было, чтобы она меня обняла и сказала все, что я хотела услышать от мамы: «Не бойся... Все будет хорошо... Мы со всем разберемся». Так что вместо того, чтобы зайти внутрь, я нашла маленькую звериную тропу на краю северного лавандового поля, которая вела к утесам. Я пошла по ней, касаясь пальцами верхушек ближайших кустов по пути, чтобы они выпустили свой сладкий серебряный аромат в воздух вокруг меня, словно приветствовали мое возвращение домой.

Казалось, что я не была здесь уже многие годы, хотя знала, что прошло всего четыре недели. Джон не любил бабушку. Он считал ее странной. Я даже подслушала, как он говорил маме, что бабушка «ведьма и отправится в ад». Он такой придурок.

А потом в голову пришла поразительная мысль, и я резко остановилась. Родители больше не контролировали мои действия. Я больше не буду с ними жить. Джон больше не мог говорить мне, что делать.

Ура! Потрясно!

Так потрясно, что на меня нахлынул еще один приступ кашля. Я обхватила себя руками, словно пытаюсь не дать груди разорваться. Мне нужно было найти бабушку Редберд, и как можно скорее.

Глава 5

Дорога вдоль утесов всегда была отвесной, я миллион раз по ней поднималась, с бабушкой и без нее, но никогда себя так не чувствовала. Дело было уже не только в кашле. И не в ноющих мышцах. У меня кружилась голова, и желудок

начало выворачивать так сильно, что я стала напоминать себе Мег Райан в фильме «Французский поцелуй», после того как она съела сыр и у нее начался приступ из-за непереносимости лактозы. (Кевин Кляйн очень милый в этом фильме – ну, для старичка.)

И у меня текло из носа. То есть я не просто периодически хлюпала. Я вытирала его рукавом толстовки (какой ужас). Я не могла дышать, не открыв рот, а из-за этого начинала кашлять еще сильнее. Никогда не думала, что грудь может так болеть! Я пытаюсь вспомнить, что убило детей, которые не завершили превращение в вампира. Были ли у них сердечные приступы? Или, может, они кашляли и чихали до самой смерти?

Перестань об этом думать!

Мне нужно было найти бабушку Редберд. Даже если она и не знает ответы на вопросы, то сможет их найти. Бабуля понимала людей. Она объясняла это тем, что не потеряла связь со своими предками чироки и племенными знаниями знахарок, которые она несла в своей крови. Даже сейчас меня заставляло улыбнуться воспоминание о том, как хмурилась бабушка, когда поднимался вопрос о злотчине (она единственная из взрослых знает, что я его так зову). Бабушка Редберд сказала, что, очевидно, кровь знахарок не попала в ее дочь, но только потому, что сохраняла дополнительную дозу магии чироки для меня.

Будучи маленькой девочкой, я забиралась по этой тропинке, держа за руку бабушку больше раз, чем могу посчитать. Мы раскладывали цветное одеяло на лугу, покрытом высокой травой и дикими цветами, и устраивали обед-пикник, пока бабушка рассказывала мне истории о племени чироки и учила меня таинственно звучащим словам их языка. Пока я тащилась по извилистой тропинке, эти древние истории вертелись снова и снова в моей голове, как дым от церемониального костра... Даже та печальная история о том, как появились звезды, когда племя обнаружило, что собака крадет кукурузную муку, и побило ее. Пока псина с воем неслась домой на север, мука просыпалась по небу, и волшебство в ней создало Млечный Путь. Или как Великий Канюк создал горы и долины своими крыльями. И моя любимая история о молодой женщине-Солнце, жившей на востоке, и ее брате-Луне, жившем на западе, и Красной птице, которая была дочерью Солнца.

– Разве это не странно? Я Редберд – Красная птица и дочь Солнца, но превращаюсь в ночного монстра. – Я слышала, что говорю вслух, и удивилась,

что мой голос звучал так слабо, особенно когда слова эхом отдавались вокруг меня, как будто я разговаривала в вибрирующий барабан.

Барабан...

Слово напомнило мне о знахарях, к которым бабушка водила меня в детстве, а потом мои мысли словно вдохнули жизнь в воспоминания, и я услышала ритмичное биение церемониальных барабанов. Я осмотрелась, щурясь на слабом свете умирающего дня. Глаза болели, и я плохо видела. Ветра не было, но тени скал и деревьев словно двигались... растягивались... тянулись ко мне.

- Бабушка, мне страшно...- крикнула я между приступами кашля.

«Духов земли не нужно бояться, птичка Зои».

- Бабушка? - Услышала ли я, как она зовет меня по прозвищу, или это только отголоски прошлого, рожденные моей памятью? - Бабушка! - Я снова позвала, а потом застыла в ожидании ответа.

Ничего. Ничего, кроме ветра.

У-но-ле... Слова из языка чироки проплыли в голове, словно полузабытый сон.

Ветер? Нет, стойте! Еще секунду назад никакого ветра не было, но теперь мне пришлось придерживать бейсболку одной рукой и убирать волосы, дико хлещущие по лицу, другой. А потом я услышала их в ветре: многоголосый хор голосов чироки, поющих под бой церемониальных барабанов. Сквозь вуаль волос и слез я увидела дым. Ореховый сладкий запах кедров наполнил мой открытый рот, и я почувствовала вкус костров моих предков. Я вскрикнула, пытаюсь восстановить дыхание.

И тогда я их почувствовала. Они были вокруг меня, почти видимые тени, мелькающие, как волны жара, поднимающиеся от асфальта летом. Я чувствовала, как они прижимаются ко мне, кружатся и двигаются грациозными сложными пируэтами вокруг темного силуэта костра чироки.

Присоединяйся к нам, у-ве-тси-а-ге-йя... Присоединяйся к нам, дочь...

Призраки чироки... Боль в легких... Ссора с родителями... Старая жизнь осталась позади...

Это было уже слишком. Я побежала.

На биологии нас учили, что адреналин берет верх в ситуациях «сражайся-или-беги», и, скорее всего, это правда, потому что, хоть мне и казалось, что грудь вот-вот взорвется и я пытаюсь дышать под водой, я пробежала последнюю и самую отвесную часть пути, словно все магазины торгового центра открылись и стали бесплатно раздавать обувь.

Ловя ртом воздух и спотыкаясь, я поднималась по тропе все выше и выше, надеясь спастись от пугающих духов, парящих вокруг меня как дым, но вместо того, чтобы оставить их позади, я словно бежала дальше в их мир костров и теней. Неужели я умираю? Именно это и происходит? Вот почему я видела призраков? Где белый свет? Окончательно запаниковав, я бросилась вперед, дико размахивая руками, словно могла отогнать ужас, преследовавший меня.

Я не заметила корень, торчавший из твердой земли на тропинке. Потеряв равновесие, попыталась удержаться на ногах, но все рефлексy бездействовали. Я упала, сильно ударившись. Боль в голове была острой, но длилась мгновение, прежде чем тьма поглотила меня.

* * *

Ощущение, когда я пришла в себя, было странным. Я ожидала, что тело будет болеть, особенно голова и грудь, но вместо боли я почувствовала... ну... я чувствовала себя хорошо. Вообще-то я чувствовала себя лучше, чем хорошо. Я не кашляла. Руки и ноги казались поразительно легкими, теплыми, их слегка покалывало, словно я только что залезла в очень горячую ванну холодной ночью.

Что?

Удивление заставило меня открыть глаза. Я смотрела на свет, который каким-то чудом не причинял боль глазам. В отличие от яркого света солнца, это скорее был мягкий дождик от пламени свечей, падающий сверху. Я выпрямилась и поняла, что ошибалась. Свет не падал с небес. Это я двигалась к нему.

Я направляюсь в рай. Ну, это шокирует кое-кого.

Я опустила взгляд на свое тело! Я или оно, или... или... что бы ни лежало так пугающе близко к краю утеса. Мое тело было совершенно неподвижно. Лоб разбит и сильно кровоточил. Кровь непрерывно капала в трещину в скале, оставляя след как от красных слез, стекающих в сердце утеса.

Очень странное ощущение – смотреть на саму себя. Мне не было страшно. Хотя должно было, не так ли? Разве это не означало, что я мертва? Может, теперь я буду видеть призраков чирики отчетливее. Даже эта мысль меня не испугала. Я была наблюдателем, словно ничто из этого не могло меня по-настоящему коснуться. (Прямо как те девушки, которые спят со всеми подряд и думают, что не забеременеют или что не заработают жуткое венерическое заболевание, которое сожрет мозг и внутренние органы. Ну, лет через десять будет видно, не так ли?)

Мне нравилось то, как выглядел мир, сверкающий и новый, но и тело привлекало мое внимание. Я подплыла к нему поближе. Дыхание было коротким и прерывистым. Ну, оно так дышало, не я. (Можно поговорить о неправильном использовании местоимений.) И я/она плохо выглядела. Я/она была бледной, а губы синие. Эй! Белое лицо, синие губы и красная кровь. Патриотично, да?

Я засмеялась, и это было потрясающе! Могу поклясться, я видела, как мой смех плавал вокруг меня, словно эти пушистые штучки, которые вы сдуваете с одуванчика, только вместо белого он был голубым, как глазурь торта на день рождения. Вау! Кто знал, что удариться головой и отключиться будет так весело? Интересно, вот так ощущаешь себя под кайфом?

Смех из глазури и одуванчиков исчез, и я услышала сверкающий хрустальный звон бегущей воды. Я подлетела ближе к моему телу и увидела, что то, что сначала приняла за трещину в земле, было узкой расщелиной. Шум бегущей воды раздавался из ее глубин. Меня охватило любопытство, и я заглянула вниз, и сверкающий вихрь слов поднялся из камня. Я напряглась, чтобы услышать, и была вознаграждена слабым серебряным шепотом.

Зои Редберд... Иди ко мне...

– Бабушка! – крикнула я в разлом в скале. Мои слова были ярко-фиолетовыми и наполнили воздух вокруг. – Это ты, бабушка?

Иди ко мне...

Серебро смешалось с фиолетовым цветом моего видимого голоса, превращая слова в блестящий оттенок цветов лаванды. Это знамение! Знак! Каким-то образом, словно духи-проводники, в которых веками верил народ чироки, бабушка Редберд говорила мне, что нужно спуститься вглубь скалы.

Больше не колеблясь, я бросила свой дух в расщелину, идя по следу собственной крови и серебряной памяти шепота моей бабушки, пока не очутилась на гладком полу в комнате, похожей на пещеру. Посреди нее журчал маленький ручеек, издавая звенящие осколки видимого звука цвета яркого стекла. Смешавшись с алыми каплями моей крови, он подсвечивал пещеру мерцающим светом оттенка сухих листьев. Мне хотелось присесть рядом с журчащей водой и позволить пальцам коснуться воздуха вокруг него, поиграть с текстурой музыки, но голос снова позвал меня.

Зои Редберд... Иди за мной к своей судьбе...

Так что я пошла за ручьем и зовом женщины. Пещера сужалась, пока не стала круглым туннелем. Он извивался снова и снова мягкой спиралью, внезапно оборвавшись у стены, покрытой вырезанными символами, которые выглядели одновременно и знакомыми, и незнакомыми. Я была сбита с толку и смотрела, как ручеек бежит через трещину в стене и исчезает. Что теперь? Мне нужно следовать за ним?

Я обернулась посмотреть на туннель. Ничего, помимо танцующего света. Я повернулась к стене и почувствовала удар током. Ой! Перед стеной, скрестив ноги, сидела женщина! На ней было белое платье с бахромой, украшенное теми же символами, что и стена позади нее. Она была невероятно красивой, с длинными прямыми волосами, такими черными, что, казалось, в них виднелся синий и фиолетовый оттенки, как в крыле ворона. Ее полные губы изогнулись в улыбке, когда она заговорила, наполняя воздух между нами серебряной силой своего голоса.

Тси-лу-ги у-ве-тси а-ге-ху-тса. Добро пожаловать, дочь. Ты хорошо справилась.

Она говорила на языке чироки, но, хотя я особо не работала над его изучением последние пару лет, я понимала слова.

– Ты не моя бабушка! – вырвалось у меня, и я почувствовала себя глупо и не на своем месте, когда мои фиолетовые слова соединились с ее, создавая невероятные узоры сверкающей лаванды в воздухе вокруг нас.

Ее улыбка была словно восходящее солнце.

Нет, дочь, я не она, но я очень хорошо знаю Сильвию Редберд.

Глубокий вдох.

– Я мертва?

Я боялась, что женщина посмеется надо мной, но она этого не сделала. Наоборот, ее темные глаза были мягкими и полными заботы.

Нет, у-ве-тси-а-ге-йа. Ты далеко не мертвая, хотя твой дух временно освободился, чтобы бродить по миру Нунне'хи.

– Люди-духи! – Я осмотрела туннель, пытаюсь разглядеть лица и силуэты в тени.

Твоя бабушка хорошо тебя обучила, у-с-ти До-тсу-ва... Маленькая красная птичка. Ты – уникальная смесь старых традиций и нового мира, древней крови племени и сердцебиения чужаков.

Из-за ее слов меня обдало жаром и холодом одновременно.

– Кто вы? – спросила я.

«У меня много имен... Изменяющаяся женщина, Гея, А'акулууджуси, Куан Йинь, бабушка Паук и даже Рассвет...»

Когда она произносила каждое имя, ее лицо менялось, так что у меня кружилась голова от ее силы. Должно быть, она это поняла, потому что остановилась и

снова одарила меня красивой улыбкой, а ее лицо вновь принадлежало той женщине, которую я видела первой.

«Но ты, птичка Зои, дочь моя, можешь звать меня именем, под которым твой мир знает меня теперь – Никс».

– Никс... – Мой голос был едва громче шепота. – Богиня вампиров?

«В действительности древние греки, затронутые Изменением, первые поклонялись мне, как матери, которую они искали в бесконечной Ночи. Я была рада называть их моими потомками многие века. И да, в твоём мире эти дети называются вампирами. Прими имя, у-ве-тси-а-ге-йа, в нём ты найдёшь свою судьбу».

Я чувствовала, что Метка горит на лбу, и внезапно мне захотелось плакать.

– Я... я не понимаю. Найти мою судьбу? Я просто хочу найти способ справиться с новой жизнью... чтобы все было хорошо. Богиня, я просто хочу найти свое место в мире. Не думаю, что готова искать свою судьбу.

Лицо богини снова смягчилось, и когда она заговорила, ее голос был похож на голос матери, только сильнее, словно она посыпала свои слова любовью всех матерей в мире.

– Верь в себя, Зои Редберд. Я отметила тебя как свою. Ты будешь моей первой настоящей у-ве-тси-а-ге-йа в-хна-и Св-но-йи... Дочь Ночи... в эту эпоху. Ты особенная. Прими это, и ты начнешь понимать, что в твоей уникальности – настоящая сила. Внутри тебя смешана волшебная кровь древних знахарок и старейшин, как и понимание современного мира.

Богиня встала и грациозно подошла ко мне. Ее голос рисовал серебряные символы силы в воздухе вокруг нас. Она протянула ко мне руку и вытерла слезы, прежде чем взять мое лицо в руки.

– Зои Редберд, дочь Ночи, я называю тебя своими глазами и ушами в нынешнем мире, где добро и зло борются, пытаюсь обрести баланс.

– Но мне шестнадцать! Я даже парковаться параллельно не умею! Откуда мне знать, как быть твоими глазами и ушами?

Она просто спокойно улыбнулась: «Ты старше своих лет, птичка Зои. Верь в себя, и ты отыщешь путь. Но помни, тьма не всегда означает зло, как и свет не всегда приносит добро».

А затем богиня Никс, древнее олицетворение Ночи, наклонилась вперед и поцеловала меня в лоб. И в третий раз за день я потеряла сознание.

Глава 6

Красавица, посмотри на облако, облако появляется.

Красавица, посмотри на дождь, дождь приближается...

Слова древней песни плавали в моей голове. Должно быть, мне снова снится бабушка Редберд. Я почувствовала себя в тепле и безопасности и полной счастья, что радовало больше всего, ведь мне было так плохо в последнее время... Только я вот не могла точно вспомнить, почему это так. Ох. Странно.

Кто говорил?

Маленький початок кукурузы

Высоко на стебле...

Песня бабушки продолжала звучать, и я свернулась калачиком на боку и потерлась щекой о подушку, вздыхая. К сожалению, когда я пошевелилась, на меня нахлынула отвратительная боль, пронзившая виски. Словно пуля разбивает стекло вдребезги, она разрушила мое ощущение счастья, и воспоминания прошлого дня накрыли меня.

Я превращалась в вампира.

Я сбежала из дома.

Я испытала что-то древнее и странное, близкое к смерти.

Я превращалась в вампира. О мой бог.

Черт, у меня так болела голова.

- Птичка Зои! Ты проснулась, детка?

Перед глазами плыло, и потому я долго моргала, пока смогла увидеть бабушку Редберд на маленьком стуле возле моей кровати.

- Бабушка! - прохрипела я и потянулась к ее руке. Мой голос был таким же ужасным, как и ощущение в голове. - Что случилось? Где я?

- Ты в безопасности, птичка. Ты в безопасности.

- Голова болит. - Я подняла руку и ощупала место на голове, которое болело. Кожа там казалась натянутой. Пальцы коснулись швов.

- Это нормально. Ты так меня испугала, что я постарела лет на десять. - Бабушка нежно потерла тыльную сторону моей ладони. - Столько крови.. - Она вздрогнула, а потом покачала головой и улыбнулась. - Пообещаешь мне больше так не делать?

- Обещаю, - сказала я. - Так ты нашла меня...

- Без сознания и в крови, птичка. - Бабушка убрала волосы с моего лба, и ее пальцы задержались на моей Метке. - Ты была такой бледной, что твой темный полумесяц словно светился на коже. Я знала, что тебя нужно отвезти назад в Обитель Ночи, и это я и сделала. - Она засмеялась, и озорная искорка в глазах сделала ее похожей на маленькую девочку. - Я позвонила твоей матери и сказала, что возвращаю тебя в Обитель Ночи. Мне пришлось притвориться, что телефон выключился, чтобы положить трубку. Боюсь, она недовольна нами обеими.

Я широко улыбнулась бабушке Редберд. Хе-хе, мама и на нее злилась.

– Но Зои, что ты делала на улице днем? И почему ты раньше мне не сказала, что у тебя Метка?

Я попыталась сесть и застонала от боли в голове. Но, к счастью, кажется, я перестала кашлять. Должно быть, потому что я наконец по-настоящему здесь – в Обители Ночи... Но мысль исчезла, когда мой разум осознал все, что сказала бабушка.

– Стой, у меня не получилось рассказать тебе раньше. Ищейка появился в школе и отметил меня сегодня. Сначала я отправилась домой. Я и правда надеялась, что мама поймет и встанет на мою сторону. – Я замолчала, вспоминая ужасную сцену с родителями. Полностью понимая меня, бабушка сжала мою руку. – Они с Джоном практически заперли меня в комнате, позвонили психиатру и запустили цепочку молитв.

Бабушка скривилась.

– Так что я вылезла в окно и направилась прямо к тебе, – подытожила я.

– Я рада, что ты так поступила, птичка Зои, но я не могу этого понять.

– Знаю, – вздохнула я. – Я тоже не могу поверить, что меня отметили. Почему меня?

– Я не это хотела сказать, малышка. Я не удивлена, что тебя отыскали и отметили. Кровь Редбердов всегда содержала сильную магию. Избрание одного из нас было лишь вопросом времени. Я хотела сказать, что мне непонятно, почему тебя только недавно отметили. Полумесяц не просто контур. Он полностью заполнен.

– Это невозможно!

– Сама взгляни, у-ве-тси-а-ге-йа. – Она произнесла слово чироки, означающее «дочь», внезапно напомнив мне о загадочной древней богине.

Бабушка поискала в сумочке старую серебряную пудреницу, которую всегда носила с собой. Не говоря больше ничего, она передала ее мне. Я нажала на

маленькую застежку. Крышка открылась, и я увидела свое отражение... Знакомая незнакомка... Я и не совсем я. У нее были огромные глаза, а кожа – слишком белая, но я едва это заметила. Я не могла отвести глаз от Метки. Метки, которая теперь была полумесяцем, идеально заполненным узнаваемым сапфирово-голубым цветом вампирской татуировки. Чувствуя, что все еще двигаюсь, словно во сне, я протянула руку и провела пальцами по странного вида Метке, и мне показалось, что я снова чувствую прикосновение губ богини к моей коже.

– Что это означает? – спросила я, не в силах оторвать взгляд от полумесяца.

– Мы надеялись, что ты нам ответишь на этот вопрос, Зои Редберд.

Это был поразительный голос. Даже прежде, чем оторвать взгляд от своего отражения, я уже знала, что его обладательница уникальная и невероятная. Я была права. Она была красива как кинозвезда, как Барби. Я никогда не видела никого настолько близкого к совершенству. У нее были огромные миндалевидные глаза цвета зеленого мха. Ее лицо было почти идеальной формы сердца, а кожа безупречно кремовая, как показывают по телевизору. Волосы насыщенного рыжего цвета – не того ужасного красно-оранжевого цвета морковки или полинявшего светло-рыжего, но темного блестящего огненного оттенка. Пряди тяжелыми волнами ниспадали ниже плеч. Ее тело было идеальным. Она не была худой, как те чудаковатые девушки, вызывающие у себя рвоту и голодающие, чтобы добиться фигуры, как у Пэрис Хилтон. (Типа это круто. Ага, как скажешь, Пэрис.) Тело этой женщины было идеальным: она выглядела сильной, и при этом с формами. И у нее была классная грудь. (Если бы у меня была такая грудь!)

– Что? – произнесла я. После размышлений о груди я и так уже выглядела как полная дура. Хе-хе.

Женщина улыбнулась мне и показала свои невероятно ровные белые зубы. Без клыков. О, думаю, я забыла добавить, что в дополнение к ее идеальности у нее была аккуратная татуировка сапфирового полумесяца посреди лба, и от него тянулись линии, напоминающие волны океана. Они обрамляли ее лоб и оборачивались вокруг высоких скул.

Она была вампиром.

– Я сказала, что мы надеялись, ты как-нибудь объяснишь, почему у подростка, который не изменился, на лбу Метка взрослого.

Без улыбки и нежной заботы в голосе ее слова показались бы жесткими. Но она произнесла их с тревогой и смущением.

– Так я не вампир? – вырвалось у меня.

Ее смех был похож на музыку.

– Еще нет, Зои, но то, что у тебя уже заполненная Метка – отличный знак, на мой взгляд.

– О... я... э-эм, хорошо. Это хорошо, – пробормотала я.

К счастью, бабушка спасла меня от полного унижения.

– Зои, это Верховная жрица Обители Ночи Неферет. Она заботилась о тебе, пока ты тут лежала. – Бабушка замолчала, очевидно, не желая говорить «без сознания». – Пока ты спала.

– Добро пожаловать в Обитель Ночи, Зои Редберд, – тепло поприветствовала Неферет.

Я взглянула на бабушку, а потом снова на Неферет. Чувствуя себя достаточно растерянной, произнесла, заикаясь:

– Это... это не мое настоящее имя. Моя фамилия – Монтгомери.

– Разве? – переспросила Неферет, поднимая рыжие брови. – Один из плюсов начала новой жизни в том, что у тебя есть возможность начать все заново – выбрать то, что раньше не могла. Если бы ты могла выбрать, каким бы было твое настоящее имя?

Я не колебалась.

– Зои Редберд.

– Значит, с этого момента ты будешь Зои Редберд. Добро пожаловать в новую жизнь. – Она протянула руку, словно хотела пожать мою, и я машинально потянулась к ней. Но вместо того, чтобы взять меня за руку, ее пальцы сомкнулись над моим предплечьем, что казалось странным, но почему-то правильным.

Прикосновение было теплым и крепким. Ее улыбка светилась дружелюбием. Она была потрясающей и восхитительной. Вообще-то она была такой, как все вампиры, больше, чем человеком: сильнее, умнее, талантливее. Казалось, что кто-то включил яркий свет внутри нее, и как я понимаю, это ироническое описание, принимая во внимание стереотипы о вампирах (некоторые из них, как я уже узнала, совершенно правдивы). Они избегают света, могущественнее ночью, им нужно пить кровь, чтобы выжить (у-ух!) и они поклоняются богине, известной как олицетворение Ночи.

– С-спасибо. Была рада познакомиться, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал хоть немного спокойным и нормальным.

– Как я раньше сказала твоей бабушке, к нам никогда до этого момента не прибывал подлесток в таком странном виде – без сознания и с полной Меткой. Ты помнишь, что с тобой случилось, Зои?

Я открыла было рот, чтобы рассказать ей, что я все помню – падение и удар головой... как я увидела себя парящим духом... последовала за странными видимыми словами в пещере... и, наконец, встречу с богиней Никс. Но прежде, чем я произнесла эти слова, у меня появилось странное ощущение, словно кто-то ударил меня в живот. Чувство было четким и определенным, и оно говорило мне заткнуться.

– Я... я не помню многого...– Я замолчала, а рука нашла больное место, где были швы. – По крайней мере, после удара головой. То есть до этого момента я все помню. Меня отметил Ищейка, я рассказала об этом родителям и сильно поссорилась с ними, потом сбежала к бабушке. Мне было очень плохо, так что, когда я взбиралась по тропе на утесы...– Я помнила и остальное... Всё – духов народа чироки, танцы и костер. «Заткнись!» – кричало мне чутье. – Д-думаю, я поскользнулась, потому что сильно кашляла, и ударилась головой. Следующее,

что я помню: бабушка Редберд сидит рядом и поет, а потом я проснулась. – Я быстро закончила рассказ. Мне хотелось отвернуться от ее пронизывающих зеленых глаз, но то же самое чувство, что приказывало мне молчать, ясно говорило не нарушать с ней зрительный контакт, что мне нужно изо всех сил притворяться, что я ничего не скрываю, хотя я понятия не имела, зачем мне что-то скрывать.

– Потеря памяти после удара головой – нормально, – как бы между прочим сказала бабушка, нарушая тишину.

Я могла бы ее расцеловать.

– Да, конечно же, это так, – быстро сказала Неферет. Сосредоточенность исчезла с ее лица. – Не бойся за здоровье своей внучки, Сильвия Редберд. Все с ней будет хорошо.

Она обращалась к бабушке с уважением, и какое-то напряжение, нарастающее внутри меня, ослабло. Если ей нравилась бабушка Редберд, то она должна быть нормальным человеком, вампиром или типа того. Правильно?

– Уверена, ты уже знаешь, что вампиры, – Неферет замолчала и улыбнулась мне, – даже вампиры-подлетки обладают необычной силой исцеления. Выздоровление проходит так хорошо, что она может спокойно покинуть больничное крыло. – Она перевела взгляд с бабушки на меня. – Зои, ты хотела бы встретиться со своей новой соседкой по комнате?

Нет. Я тяжело сглотнула и кивнула.

– Да.

– Отлично! – сказала Неферет. К счастью, она игнорировала тот факт, что я улыбалась, как дурацкий садовый гном.

– Ты уверена, что не нужно подержать ее здесь подольше под наблюдением? – спросила бабушка.

– Я понимаю твою тревогу, но уверяю тебя, что физические раны Зои затягиваются так быстро, что это показалось бы тебе невероятным.

Она снова мне улыбнулась, и хоть я выглядела испуганной и взволнованной (да просто-напросто в панике!), я улыбнулась ей в ответ. Казалось, что жрица искренне рада моему присутствию здесь. И, по правде говоря, она заставила меня думать, что превращение в вампира, может быть, и не самое плохое событие.

– Бабушка, я в порядке. Серьезно. У меня просто немного болит голова, но в остальном я чувствую себя лучше. – Произнеся эти слова, я поняла, что это правда. Я совсем перестала кашлять. Мои мышцы больше не ныли. Я чувствовала себя совершенно нормально, не считая небольшой головной боли.

А потом Неферет сделала то, что не только удивило меня, но и заставило сразу же полюбить ее и начать ей верить. Она подошла к бабушке и медленно и осторожно заговорила.

– Сильвия Редберд, я даю тебе свою торжественную клятву, что твоя внучка здесь в безопасности. Каждому подлетку предоставляется старший наставник. Чтобы подтвердить свою клятву, я стану наставницей Зои. А теперь тебе нужно доверить ее моим заботам.

Неферет положила кулак на сердце и официально поклонилась бабушке. Бабушка мгновение колебалась, прежде чем ответить ей.

– Я запомню твою клятву, Неферет, Верховная жрица Никс. – Она повторила ее жест, прижав свой кулак к сердцу, а затем поклонилась, прежде чем повернуться ко мне и крепко обнять. – Позвони мне, если я буду тебе нужна, птичка Зои. Я тебя люблю.

– Позвоню, бабушка. Я тоже тебя люблю. И спасибо, что привезла меня сюда, – прошептала я, вдыхая знакомый лавандовый запах и стараясь не плакать.

Она нежно поцеловала меня в щеку и быстрыми уверенными шагами направилась вон из комнаты, оставив меня впервые в жизни наедине с вампиром.

– Ну, Зои, ты готова к новой жизни?

Я подняла на нее взгляд и снова подумала о том, какая она поразительная. Если бы я действительно превратилась в вампира, обрела бы я такую уверенность и силу или это доступно лишь Верховной жрице? На мгновение в голове промелькнуло, что круто быть Верховной жрицей, но потом вернулось мое здравомыслие. Я просто хочу понять, как найти здесь свое место, но Неферет точно помогла мне легче воспринимать происходящее.

– Да, готова. – И я была рада, что это прозвучало с уверенностью, которой я на самом деле не чувствовала.

Глава 7

– Который час?

Мы шли по узкому, слегка изгибающемуся коридору. Стены были сложены из странной смеси темного камня и выступающего кирпича. Периодически встречались мерцающие газовые лампы, свисающие со старомодных черных железных креплений, торчащих из стен. Они отбрасывали мягкий желтый свет, который, к счастью, не мешал глазам. В коридоре не было окон, и мы никого не встретили (хотя я продолжала нервно оглядываться, представляя, как впервые увижу вампиров-подростков).

– Уже почти четыре часа ночи, а это означает, уроки закончились примерно час назад, – сказала Неферет и слегка улыбнулась при виде потрясения на моем лице.

– Уроки начинаются в восемь вечера и заканчиваются в три ночи, – объяснила она. – Учителя доступны до половины четвертого, если ученикам нужна дополнительная помощь. Гимнастический зал открыт до рассвета, точное время ты будешь знать, как только пройдешь Изменение. До этого момента время рассвета вывешивается во всех классах, общих комнатах и местах сбора, включая обеденный зал, библиотеку и спортзал. Храм Никс, конечно же, открыт все время, но официальные ритуалы проводятся дважды в неделю сразу после

школы. Следующий ритуал пройдет завтра. – Неферет глянула на меня, и ее улыбка потеплела. – Сейчас от всего этого кружится голова, но ты быстро со всем разберешься. И твоя соседка поможет тебе, как и я.

Я только открыла рот, чтобы задать новый вопрос, как шар из рыжего меха забежал в коридор и молча бросился на руки Неферет. Я подпрыгнула и глупо взвизгнула, а потом почувствовала себя полной идиоткой, когда увидела, что это не летающий бугимен или типа того, а очень большая кошка.

Неферет рассмеялась и почесала пушистый шар за ушами.

– Зои, позволь представить тебе Скайлара. Обычно он подкрадывается, чтобы броситься на меня.

– Я никогда не видела такого большого кота, – сказала я и протянула руку, чтобы он мог обнюхать меня.

– Осторожно, он может укусить.

Прежде, чем я успела убрать руку, Скайлар начала тереться мордочкой о мои пальцы. Я задержала дыхание.

Неферет склонила голову набок, словно прислушивалась к словам в ветре.

– Ты ему нравишься, а это очень необычно. Он никого не любит, кроме меня, даже других котов прогоняет из этой части кампуса. Он ужасный хулиган, – сказала она с любовью.

Я осторожно почесала Скайлара за ушами, как делала Неферет.

– Я люблю кошек, – тихо сказала я. – У меня была одна, но, когда мама снова вышла замуж, мне пришлось отдать ее «Уличным котам», чтобы ей нашли дом. Джон, ее новый муж, не любит кошек.

– Я поняла, что отношение человека к кошкам и отношение кошек к ним, как правило, прекрасный способ узнать о характере человека.

Я подняла глаза и встретилась с ней взглядом: она понимала намного больше о бредовых моментах жизни в семье, чем говорила. Я почувствовала с ней связь, и уровень моего стресса немного снизился сам собой.

– Здесь много кошек?

– Да. Кошки всегда были близкими союзниками вампиров.

Ладно, вообще-то я это знала. На уроках мировой истории с мистером Шэддоксом (больше известным как Пафф Шэдди, но не говорите ему об этом) мы учили, что в прошлом кошек убивали, потому что считали, что они каким-то образом превращали людей в вампиров. Ага, ладно, что может быть нелепее. Новые доказательства тупости человечества... Мысль появилась в моей голове, шокируя тем, что я так легко начала думать о «нормальных» людях как о «человечестве», то есть отличных от меня.

– Думаете, мне можно завести кота? – спросила я.

– Если один из них выберет тебя, ты будешь принадлежать ему или ей.

– Выберет меня?

Неферет улыбнулась и погладила Скайлара, который закрыл глаза и громко замурчал.

– Кошки выбирают нас, мы ими не владеем. – И словно чтобы показать, что ее слова правдивы, Скайлар спрыгнул с ее рук и, махнув поднятым хвостом, исчез в коридоре.

Неферет засмеялась.

– Он ужасен, но я его обожаю. Думаю, любила бы его, даже не будь это частью моего дара Никс.

– Дара? Скайлар – дар богини?

– Да, по-своему. Каждой Верховной жрице богиней даруется связь – то, что можно рассматривать как особые силы. Частично на основе этого мы выбираем Верховную жрицу. Связи могут быть необычными когнитивными способностями, как, например, чтение мыслей или видения и способность предвидеть будущее. Или это может быть чем-то в физическом мире навроде особого контакта с четырьмя элементами или животными. У меня два дара богини. Моя основная связь – с кошками: я чувствую их необычайно тонко даже для вампира. Также Никс даровала мне необычную способность излечивать. – Она улыбнулась. – Вот почему я знаю, что ты хорошо восстанавливаешься: мой дар сказал мне об этом.

– Вау, это потрясающе, – лишь выдавила я. Голова уже кружилась от событий прошедшего дня.

– Пойдем в твою комнату. Я уверена, что ты голодная и уставшая. Ужин начнется... – Неферет склонила голову набок, словно кто-то странным образом нашептывал ей время, – ...через час. – Она улыбнулась мне понимающей улыбкой. – Вампиры всегда знают, который сейчас час.

– Это тоже круто!

– Это, мой дорогой подросток, лишь верхушка «крутого» айсберга.

Я надеялась, что ее аналогия никак не связана с катастрофами масштаба «Титаника». Мы двинулись дальше по коридору, а я думала о времени и всяком таком и вспомнила вопрос, который собиралась задать, когда Скайлар прервал мою легко нарушаемую цепочку мыслей.

– Подождите. Вы сказали, что уроки начинаются в восемь? Вечера? – Ладно, обычно я не так тугο соображаю, но иногда мне казалось, что она говорит на незнакомом мне языке. Мне было сложно понять это.

– Поразмыслив, ты поймешь, что уроки ночью – логично. Конечно же, ты знаешь, что вампиры, взрослые или юные, не взрываются или что там еще придумывают, если попадают под прямой свет солнца, но нам становится некомфортно. Разве тебе уже не было сложно переносить солнечный свет сегодня?

Я кивнула:

– Даже мои Maui Jims не помогли. – А потом быстро добавила, снова чувствуя себя идиоткой: – Э, Maui Jims – солнечные очки.

– Да, Зои, – терпеливо ответила Неферет. – Я знаю, что такое солнечные очки.

– О боже, простите... – Я замолчала, не зная, нормально ли произносить «боже». Оскорбит ли это Неферет, Верховную жрицу, так гордо носившую маску своей богини? Черт, оскорбит ли это Никс? О боже. А можно ли говорить «черт»?! Это мое любимое ругательство. (Ладно, это единственное ругательство, которое я использовала постоянно.) Можно ли мне все еще это произносить? Люди Веры говорили, что вампиры почитают ложную богиню и в основном эгоистичные, темные существа, которых заботят только деньги, роскошь и кровь, и они уж точно попадут в ад. Значит ли это, что мне нужно следить, как и где я использую...

– Зои.

Я подняла взгляд и увидела, что Неферет изучала меня с тревожным лицом, и поняла, что она, скорее всего, пыталась привлечь мое внимание, пока я разговаривала сама с собой в голове.

– Простите, – повторила я.

Неферет остановилась и положила руки мне на плечи, развернув меня к себе лицом.

– Зои, перестань извиняться. И помни, все здесь были такими, как ты. Это было когда-то новым для нас всех. Мы знаем, каково это – бояться Изменения – шока, что твоя жизнь превращается во что-то незнакомое.

– И ты не можешь это контролировать, – тихо добавила я.

– И это тоже. Не всегда будет так плохо. Когда ты станешь взрослым вампиром, твоя жизнь снова станет твоей. Ты будешь сама принимать решения, идти по дороге, которую выберут твои сердце и таланты.

– Если я стану взрослым вампиром.

– Станешь, Зои.

– Почему вы так уверены?

Глаза Неферет нашли потемневшую Метку на моем лбу.

– Никс выбрала тебя. За что, мы не знаем. Но ее Метка явно наложена на тебя. Она бы не коснулась тебя лишь затем, чтобы увидеть твоё падение.

Я вспомнила слова богини «Зои Редберд, дочь Ночи, я называю тебя своими глазами и ушами в нынешнем мире, мире, где добро и зло борются, пытаюсь обрести баланс» и быстро отвернулась от острого взгляда Неферет, желая понять, почему чутье все еще говорило мне молчать о встрече с богиней.

– Просто... просто столько всего случилось в один день.

– Конечно, особенно на голодный желудок.

Мы снова двинулись вперед, когда раздался звонок телефона, заставив меня подпрыгнуть. Неферет вздохнула и виновато улыбнулась, а потом достала маленький телефон из кармана.

– Неферет, – сказала она. Пока она слушала, я заметила, как ее лоб нахмурился, а глаза сузились. – Нет, правильно, что вы позвонили. Я вернусь и проверю ее. – И она закрыла телефон. – Прости, Зои. Одна из подлесток сломала сегодня ногу. Кажется, ей не стало лучше, и мне нужно вернуться и убедиться, что все в порядке. А ты иди по этому коридору налево, пока не придешь к главной двери. Ты не сможешь ее пропустить – она большая и из очень старого дерева. Сразу за ней каменная скамья. Можешь подождать меня там. Я быстро.

– Ладно, без проблем. – Но прежде, чем я успела закончить фразу, Неферет исчезла на другой стороне извилистого коридора. Я вздохнула. Мне не очень хотелось оставаться одной в месте, полном вампиров. А теперь Неферет ушла, и мерцающие огни не казались такими уж приветливыми. Они казались таинственными, отбрасывая призрачные тени в старом каменном коридоре.

Решив не нервничать, я медленно пошла по коридору в том же направлении. Вскоре я уже почти мечтала с кем-то встретиться (даже если это оказались бы вампиры). Было слишком тихо. И жутко. Несколько раз коридор ответвлялся направо, но, как сказала мне Неферет, я продолжала идти налево. Вообще-то я смотрела влево, потому что другие коридоры были едва освещены.

К сожалению, на следующем повороте направо я не отвернулась. Ладно, это было логично. Я что-то услышала. Если быть точнее, я услышала смех. Нежный девчачий смех, из-за которого почему-то волосы на затылке встали дыбом. И из-за него же я остановилась. Посмотрела в коридор и, как показалось, заметила движение в темноте.

«Зои...» – прошептали мое имя из тени.

Я заморгала от удивления. Я действительно услышала свое имя или придумывала? Голос показался почти знакомым. Могла это быть Никс? Звала ли богиня меня по имени? Я была почти так же напугана, как и заинтригована. Задержав дыхание, сделала пару шагов в боковой коридор.

Плавнo заворачивая за угол, я увидела нечто, заставившее меня остановиться и машинально прижаться к стене. В маленьком алькове недалеко от меня стояли двое людей. Сначала мой разум не мог понять, что я вижу, а потом осознание нахлынуло на меня.

Мне нужно было выбираться оттуда тотчас же: молча отойти назад и пытаться не думать о том, что я увидела. Но ничего из этого я не сделала. Такое впечатление, что мои ноги внезапно стали такими тяжелыми, что невозможно было поднять их. Я могла лишь смотреть.

Мужчина – а потом я испытала шок, осознав, что это не мужчина, а подросток – на год или около того старше меня. Он стоял, прижавшись спиной к каменному алькову. Откинув голову назад, он тяжело дышал. Его лицо скрывали тени, но хоть я видела его лишь частично, я поняла, что он красивый. А потом еще один хриплый смешок заставил мой взгляд опуститься.

Она стояла на коленях перед ним. Я видела лишь ее светлые волосы. Их было столько, словно она носила их как некую древнюю вуаль. А потом ее руки двинулись вверх по бедрам парня.

«Уходи! – кричал мне разум. – Убирайся отсюда!» – Я начала отступать, но его голос заставил меня замереть.

– Остановись!

Мои глаза широко распахнулись, потому что на мгновение показалось, что он обращается ко мне.

– Ты же на самом деле этого не хочешь.

У меня практически закружилась голова от облегчения, когда она заговорила. Он говорил с ней, не со мной. Они даже не знали, что я здесь.

– Нет, хочу. – Прозвучало это так, словно он выжимал слова сквозь стиснутые зубы. – Вставай с колен.

Ее голос был хриплым, и она явно хотела, чтобы он звучал сексуально, но я также слышала в нем хныканье. Она казалась почти отчаявшейся. Я смотрела, как двигаются ее руки, и мои глаза распахнулись от удивления, когда она провела ногтем указательного пальца по его бедру. Невероятно, но ее ноготь разрезал ткань его джинсов, словно нож, и показалась полосочка свежей крови, поражающая своей яркой краснотой.

Я не хотела этого, почувствовав отвращение, но при виде крови рот наполнился слюной.

– Нет! – резко сказал он, положив руки ей на плечи и пытаясь оттолкнуть ее от себя.

– Ой, перестань притворяться. – Она снова засмеялась. Это был злобный саркастический смех. – Ты же знаешь, мы всегда будем вместе. – Она вытянула язык и лизнула струйку крови.

Я затряслась: это все загипнотизировало меня против моей воли.

– Хватит! – Он все еще давил ей на плечи. – Я не хочу причинить тебе боль, но ты серьезно начинаешь меня злить. Почему ты никак не поймешь? Мы больше этим не занимаемся. Я тебя не хочу.

– Ты хочешь меня! Ты всегда будешь меня хотеть! – Она расстегнула его штаны.

Меня не должно быть здесь. Я не должна это видеть. Я оторвала взгляд от его окровавленного бедра и отступила назад.

Взгляд парня поднялся. Он меня увидел.

И тут произошло нечто действительно странное. Я почувствовала его прикосновение через этот взгляд. Я не могла оторвать от него глаз. Девушка перед ним словно исчезла, и в коридоре были лишь он, я и сладкий, манящий запах его крови.

– Ты меня не хочешь? Не очень-то похоже, – сказала она с противным урчанием в голосе.

Я почувствовала, что качаю головой вперед-назад. В то же мгновение он вскрикнул «Нет!» и попытался оттолкнуть ее с пути, чтобы направиться ко мне.

Я оторвала взгляд от его глаз и отшатнулась назад.

– Нет! – снова произнес он. И в этот раз я знала, что он обращается ко мне, а не к ней. Должно быть, она тоже это поняла, потому что с криком, неприятно похожим на рычание животного, она начала оборачиваться. Мое тело снова обрело подвижность. В то же мгновение я повернулась и побежала по коридору.

Я ожидала, что они последуют за мной, так что я бежала, пока не добралась до огромных старых дверей, которые описала Неферет. Там я и стояла, опираясь на холодное дерево и пытаюсь успокоить дыхание, чтобы прислушаться к звуку бегущих ног.

Что мне делать, если они меня догонят? В голове болезненно стучало, и я чувствовала слабость и страх. И мне было очень противно.

Да, я знала об оральном сексе. Едва ли в современной Америке есть подростки, которые не знают, что большинство взрослых считают, что мы делаем это так часто, как жуем жвачку. Полный бред. Конечно, некоторые девчонки считают, что это круто, но это не так. Те, у кого есть голова на плечах, понимают, что нет ничего крутого в том, чтобы тебя использовали таким образом.

Так вот, я знала, что это такое. Но я никогда не видела, как это делается. Поэтому зрелище, которому я стала свидетелем, шокировало меня. Но больше того, что блондинка занималась с ним сексом, меня шокировало то, как я отреагировала на вид крови этого парня.

Мне тоже хотелось ее лизнуть.

И это не нормально.

И еще был тот странный обмен взглядами с ним. Что это вообще все значит?

– Зои, ты в порядке?

– Черт! – вскрикнула я и подпрыгнула. Неферет стояла позади, в замешательстве глядя на меня.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Я... я... – Мой разум плыл. Я не могла рассказать ей, что только что видела. – Просто у меня сильно болит голова, – наконец получилось выдать из себя. И это было правдой. Головная боль сводила меня с ума.

Она нахмурилась, переживая за меня.

– Позволь мне помочь тебе. – Неферет нежно положила руку на швы на моем лбу. Она закрыла глаза, и я слышала лишь, как она шепчет что-то на языке, который я не могла понять. А потом ее рука стала теплой, и это тепло превратилось в жидкость, а моя кожа впитала ее. Я закрыла глаза и вздохнула от облегчения, когда боль в голове начала затихать.

– Лучше?

- Да, - едва слышно прошептала я.

Она убрала руку, и я открыла глаза.

- Это поможет сдержать боль. Не знаю, почему она внезапно вернулась с такой силой.

- Я тоже, но теперь ее нет, - быстро ответила я. Она молча изучала меня некоторое время, а я задержала дыхание. Но потом она сказала:

- Тебя что-то расстроило?

Я сглотнула.

- Я немного боюсь встречи с моей новой соседкой. - Технически это не было ложью. Не это меня расстроило, но это пугало меня.

Улыбка Неферет была доброй:

- Все будет хорошо, Зои. Теперь позволь мне показать тебе твою новую жизнь.

* * *

Неферет открыла толстую деревянную дверь, и мы оказались в большом дворе перед школой. Она вышла на улицу и дала мне время поглазеть. Подростки в школьной форме, выглядевшей круто и необычно, хотя и единообразно, ходили маленькими группами по двору и вдоль дорожки. До меня доносились звуки подозрительно нормальных голосов и смеха. Я продолжала переводить взгляд с них на здание, не зная, на что глазеть в первую очередь. Я выбрала школу. Она была менее пугающим из двух вариантов (и я боялась, что увижу его). Это место казалось чем-то из жутких снов. На дворе была полночь, и должно было быть очень темно, но яркая луна светила над огромными старыми дубами, отбрасывающими тень на все остальное. Отдельно стоящие газовые фонари в потускневших медных оправках обрамляли дорожку, параллельную огромному зданию из красного кирпича и с крышей из черного камня. У него было три этажа и необычно высокая крыша, направленная вверх, а потом становящаяся

плоской на верхушке. Я видела, что тяжелые занавески были отодвинуты, мягкий желтый свет позволял теням танцевать по комнатам, придавая всему сооружению живой и дружелюбный вид. Круглая башня была присоединена к передней части главного здания, усиливая иллюзию, что это место больше похоже на замок, чем на школу. Клянусь, здесь скорее показался бы уместным ров, а не боковая дорожка, окруженная густыми кустами азалии и аккуратной лужайкой.

Напротив главного здания стояло другое, поменьше и старше, похожее на церковь. За ним и старыми дубами, отбрасывающими тень на школьный двор, виднелся темный силуэт огромной каменной стены, окружавшей всю школу. Перед зданием церкви стояла мраморная статуя женщины в длинных струящихся одеяниях.

- Никс! - вырвалось у меня.

Неферет удивленно вскинула одну бровь.

- Да, Зои. Это статуя богини, а здание за ней - ее храм. - Она жестом показала мне пойти с ней по дорожке и махала рукой на впечатляющий кампус, раскинувшийся перед нами. - То, что сегодня известно как Обитель Ночи, было построено в неофранцузско-нормандском стиле из камней, привезенных из Европы. Она появилась в середине 1920-х как монастырь августинцев для Людей Веры. В итоге его превратили в Касшия-Холл, частную подготовительную школу для богатых подростков. Когда мы пять лет назад решили, что нужно открыть школу для таких, как мы, в этой части страны, мы выкупили ее.

Я лишь смутно помню те дни, когда тут была снобистская частная школа. Вообще-то единственная причина, по которой я о ней подумала, состоит в том, что я помнила новости, как целую компашку детей, учившихся в Касшия-Холл, обвинили в употреблении наркотиков и как были шокированы их родители. Впрочем, кроме них эта новость никого не удивила.

- Я удивлена, что они продали здание вам, - рассеянно сказала я.

Ее смех был низким и немного угрожающим.

– Они не хотели, но мы сделали их заносчивому директору предложение, от которого он не смог отказаться.

Мне хотелось спросить, что она имела в виду, но от ее смеха по коже побежали мурашки. И к тому же я была занята. Я не могла перестать глазеть. Ладно, первым делом я заметила, что все, у кого была настоящая вампирская татуировка, выглядели невероятно привлекательными. То есть это просто безумие какое-то. Да, я знала, что вампиры привлекательные. Все это знали. Самые успешные актеры и актрисы в мире были вампирами. Также были танцоры и музыканты, писатели и певцы. Вампиры правили бал в искусстве, что и было одной из причин, откуда у них столько денег – и также одной из причин (многих), почему Люди Веры считали их эгоистичными и лишенными морали. Но серьезно, они просто завидуют, потому что не выглядят так красиво. Люди Веры ходят на их фильмы, пьесы, концерты, покупают их книги и их произведения искусства, но в то же время плохо о них отзываются и смотрят сверху вниз, и бог свидетель, они никогда с ними не смешиваются. Эй, разве они не лицемеры?

В любом случае в окружении стольких потрясающе красивых людей мне захотелось забраться под скамейку, хотя многие из них приветствовали Неферет и потом улыбались и здоровались и со мной. Я неуверенно отвечала им и поглядывала на детей, проходящих мимо. Каждый почтительно кивал Неферет. Некоторые официально кланялись ей и прижимали кулаки к сердцу, из-за чего Неферет улыбалась и слегка кивала в ответ. Ладно, дети не были так же прекрасны, как взрослые. Конечно же, они были привлекательными, точнее интересными: на коже виднелись полумесяцы, а форма была скорее похожа на модные дизайнерские шмотки, чем на школьную одежду. Но у них не было сияющего, не по-человечески привлекательного света, который излучали взрослые вампиры. А еще я заметила то, что, как я и подозревала, в их форме было много черного. (Хотя, казалось бы, такие ценители искусства могли бы уйти от клише, ну да ладно). Но думаю, если я собиралась быть честной, то нужно признать, форма смотрелась на них красиво: черный цвет здорово оживляла мелкая шотландская клетка фиолетового, синего и изумрудного цветов. На каждой форме был искусный рисунок, вышитый золотым или серебряным, на нагрудном кармане или кармане блузки. Я видела, что некоторые рисунки одинаковые, но у меня не получалось их хорошо рассмотреть. Также здесь было необычно много детей с длинными волосами. Seriously, у девушек были длинные волосы, у парней были длинные волосы, у учителей были длинные волосы, даже кошки, бродившие по дорожке время от времени, были клубками длинной шерсти. Странно. Хорошо, что я отговорила себя от короткой стрижки, как у Кайлы, которая обрезала волосы на прошлой

неделе.

Также я заметила, что у взрослых и детей было одна общая черта: их взгляды с очевидным любопытством задерживались на моей Метке. Отлично. Я начинала свою новую жизнь как аномалия, и это, я бы сказала, отстойно.

Глава 8

Часть Обители Ночи, в которой находилось общежитие, была на другой стороне кампуса, так что мы шли к ней достаточно долго. Казалось, Неферет специально идет медленно, давая мне время задать вопросы и поглазеть. Не то чтобы я была против. Пока мы шли вдоль раскинувшегося скопления похожих на замки зданий, Неферет указывала на мелкие детали, рассказывая, что есть что, и помогая мне прочувствовать место. Это было необычно, но по-хорошему. Более того, прогулка помогла мне ощутить себя нормальной. Вообще-то, как бы странно это ни звучало, я снова чувствовала себя прежней. Я не кашляла. Тело не болело. Даже голова перестала гудеть. Я абсолютно, совершенно не думала о неловкой сцене, которую случайно подсмотрела. Я забыла о ней – намеренно. Последнее, что мне сейчас нужно было – разбираться с чем-то еще, помимо новой жизни и странной Метки.

Глубоко внутри отрицая очевидное, я сказала себе, что если бы не шла через школьный кампус в такой темный час ночи рядом с вампиром, то могла бы притвориться, что я точно такая же, как и вчера. Почти.

Ну ладно. Может, не почти, но моей голове было получше, и я собиралась встретиться с новой соседкой, когда Неферет наконец открыла дверь в женское общежитие.

Внутри меня ждал сюрприз. Не знаю, чего я ожидала, возможно, чего-то черного и жуткого. Но здесь было мило, помещение было декорировано в нежно-голубых и антично-желтых тонах. Стояли удобные кушетки и тут и там были разбросаны большие пухлые подушки для сидения, напоминавшие гигантские драже «Эм-энд-Эмс». Мягкий газовый свет лился из нескольких антикварных хрустальных люстр и делал помещение похожим на замок принцессы. На кремового цвета стенах висели огромные масляные картины, изображавшие античных женщин,

могущественных и экзотичных. Свежесрезанные цветы стояли в хрустальных вазах на приставных столах, заваленных книгами, сумочками и всяким типичным девчачьим хламом. Я увидела несколько плоских экранов телевизоров и узнала звуки шоу «Реальный мир» на MTV, исходящих из одного из них. Я все это быстро оглядела, пытаюсь улыбаться и казаться дружелюбной девушкам, которые замолчали, как только я зашла в комнату, и теперь смотрели на меня. Ну, вот фигня. Они смотрели не на меня. Они смотрели на Метку на моем лбу.

- Дамы, это Зои Редберд. Поприветствуйте и примите ее в Обитель Ночи.

Мгновение казалось, что никто ничего не скажет, и мне хотелось умереть от смущения. А потом одна девушка встала из середины группы, собравшейся вокруг телевизора. Это была крошечная блондинка, практически идеальная. Вообще-то она напомнила мне молодую Сару Джессику Паркер (которая мне не нравится, кстати. Она просто такая раздражающая и неестественно энергичная).

- Привет, Зои. Добро пожаловать в новый дом. - Улыбка копии Сары Джессики Паркер была теплой и искренней, и она явно старалась смотреть мне в глаза, а не на закрашенную Метку. Я сразу же почувствовала себя плохо из-за того, что сделала негативное сравнение. - Я Афродита, - сказала она.

Афродита? Ладно, может я и не поспешила со сравнением. Как может нормальный человек выбрать имя Афродита? Да бросьте. Речь идет о ложной иллюзии величия. Я наклеила улыбку на лицо и весело сказала:

- Привет, Афродита!

- Неферет, хотите, я покажу Зои ее новую комнату?

Женщина колебалась, и это показалось странным. Вместо того чтобы сразу ответить, она просто стояла и смотрела в глаза Афродиты. А потом так же быстро, как началась эта молчаливая схватка взглядов, на лице Неферет появилась широкая улыбка.

- Спасибо, Афродита, это мило с твоей стороны. Я наставница Зои, но уверена, ей будет приятнее, если ее сверстница покажет путь в ее комнату.

Это злость промелькнула в глазах Афродиты? Нет, мне показалось или, по крайней мере, я бы посчитала, что показалось, если бы мое странное чутье не говорило мне, что все наоборот. И мне не нужна была моя новая интуиция, чтобы понять, что что-то не так, потому что Афродита рассмеялась, и я узнала этот звук.

Чувствуя, словно кто-то ударил меня в живот, я поняла, что именно эту девушку – Афродиту – я увидела с тем парнем в коридоре!

Смех Афродиты, а за ним ее самоуверенное «Конечно же, я буду рада помочь ей осмотреться! Вы же знаете, я всегда готова помочь вам, Неферет» были такими же ненастоящими и холодными, как смехотворно огромные сиськи Памелы Андерсон, но Неферет лишь кивнула в ответ и повернулась ко мне.

– Теперь я оставляю тебя, Зои, – сказала наставница, сжав мое плечо. – Афродита отведет тебя в комнату, и новая соседка поможет подготовиться к ужину. Увидимся в обеденном зале. – Она улыбнулась теплой улыбкой мамы, и я почувствовала нелепое детское желание обнять ее и умолять не оставлять меня наедине с Афродитой. – С тобой все будет в порядке, – сказала она, словно прочитав мои мысли. – Увидишь, птичка Зои. Все будет хорошо, – прошептала она, и это прозвучало так похоже на мою бабушку, что мне пришлось заморгать, чтобы не заплакать. А потом она быстро кивнула Афродите и другим девушкам в знак прощания и покинула общежитие.

Дверь закрылась с приглушенным, мертвым звуком. Вот черт... Я просто хотела домой!

– Пойдем, Зои. Комнаты находятся в этой стороне, – сказала Афродита. Она жестом показала мне следовать за ней по широкой лестнице, начинавшейся справа от нас. Пока мы поднимались вверх, я игнорировала шум голосов позади нас.

Мы обе молчали, и я чувствовала такую неловкость, что аж кричать хотелось. Видела ли она меня тогда в коридоре? Конечно же, я не собиралась об этом упоминать. Никогда. Насколько я знаю, этого никогда не было.

Я прочистила горло и произнесла:

- Общежитие кажется милым. То есть оно очень красивое.

Она косо глянула на меня:

- Оно лучше, чем милое или очень красивое; оно потрясающее.

- О-о. Ну, приятно это слышать.

Она рассмеялась. Звук ее смеха был совершенно неприятным – почти фырканье, и он пополз по моей спине, как и в первый раз, когда я его услышала.

- Здесь потрясающе в основном из-за меня.

Я взглянула на нее, полагая, что она шутит, и встретилась взглядом с ее холодными голубыми глазами.

- Ага, ты меня правильно услышала. Это место крутое, потому что я крутая.

О. Мой. Бог. Что за странная фраза. Я не знала, как ответить на такое заносчивое заявление. То есть разве мне нужна была ссора с мисс Я-считаю-себя-такой-крутой в дополнение к переменам в моей жизни/внешности/школе? И я все еще не могла понять, знала ли она, что это я видела ее в коридоре.

Ладно, мне просто нужно было найти способ вписаться. Мне хотелось называть эту новую школу домом. Так что я решила выбрать самый безопасный путь и держать рот на замке.

Мы обе больше ничего не говорили. Лестница привела в большой коридор с дверьми. Я задержала дыхание, когда Афродита остановилась перед одной из них, раскрашенной в красивый светло-фиолетовый цвет, но вместо того, чтобы постучать, повернулась ко мне. Ее идеальное лицо внезапно наполнилось ненавистью и холодом и уж точно не было красивым.

- Ладно, слушай, Зои. У тебя эта странная Метка, так что все говорят о тебе и гадают, что за фигня с тобой. – Она закатила глаза и драматично прижала руку к щеке, меняя голос в притворном восторге. – О-о-о-о! У новенькой закрашенная Метка! Что бы это значило? Она особенная? У нее есть волшебные силы? О

боже... о боже! – Она убрала руку от горла и, сузив глаза, глянула на меня. Ее голос стал бесцветным и злобным, как и взгляд. – Вот как у нас тут все устроено. Я здесь главная. Все идет по моим правилам. Если хочешь поладить, тогда лучше не забывай об этом. Если забудешь, то окажешься в мире дерьма.

Ладно, она начала меня злить.

– Слушай, – сказала я. – Я только что приехала сюда. Я не ищу проблем и не отвечаю за то, что люди говорят о моей Метке.

Она сощурила глаза. Вот черт. Мне действительно придется подраться с этой девушкой? Я никогда в жизни не дралась! Желудок свернулся клубком, и я готовилась увернуться и убежать, или что еще поможет мне избежать побоев.

А потом так же быстро, как она стала страшной и полной ненависти, ее лицо расслабилось, и на нем появилась улыбка, а она снова превратилась в милую блондиночку. (Но меня не обманешь.)

– Хорошо. Просто я хочу, чтобы мы понимали друг друга.

Что? Я ясно поняла, что она забыла принять таблетки, но это все. Афродита не дала мне времени сказать что-то еще. Бросив мне напоследок удивительно теплую улыбку, она постучала в дверь.

– Заходите! – произнес бодрый голос с оклахомским акцентом.

Афродита открыла дверь.

– Всем приветтики! О божечки, входите. – С огромной улыбкой на лице моя новая соседка, такая же блондинка, подбежала, словно маленький деревенский торнадо. Но ее улыбка исчезла, как только она увидела Афродиту, и девушка перестала спешить к нам навстречу.

– Я привела тебе новую соседку. – Технически ничего неправильного в словах Афродиты не было, но ее тон был полон ненависти, и она говорила с ужасным деланным оклахомским акцентом. – Стиви Рэй Джонсон, это Зои Редберд. Зои Редберд, это Стиви Рэй Джонсон. Ну, разве мы все не миленькие и дружные, как

три зернышка в початке?

Я глянула на Стиви Рэй. Она выглядела испуганной, словно маленький кролик.

– Спасибо, что проводила меня, Афродита. – Я говорила быстро, двигаясь к девушке, которая машинально отступила назад, из-за чего снова оказалась в коридоре. – Увидимся. – Я закрыла дверь перед ее носом, когда удивление на ее лице начало превращаться в злость. А потом я повернулась ко все еще бледной Стиви Рэй.

– Что с ней не так? – спросила я.

– Она... она...

Хотя я совсем ее не знала, но понимала, что Стиви Рэй пытается решить, сколько ей можно и нельзя рассказывать. Так что я решила помочь ей. Мы же будем соседками.

– Она стерва! – сказала я.

Глаза Стиви Рэй округлились, а потом она захихикала.

– Она не очень-то милая, это точно.

– Ей нужно лечиться, вот это точно, – добавила я, заставив ее снова рассмеяться.

– Думаю, мы поладим, Зои Редберд, – сказала она, все еще улыбаясь. – Добро пожаловать в новый дом! – Она отступила в сторону и махнула рукой на маленькую комнату, словно приглашая меня во дворец.

Я осмотрелась и моргнула. Несколько раз. Сначала увидела постер Кенни Чесни[2 - Кенни Чесни – американский кантри-певец.] во весь рост, висящий над одной из двух кроватей, и шляпу ковбоя (девушки-ковбоя?), лежащую на одном из прикроватных столиков, на котором также стояла старомодная газовая лампа на ножке в форме сапога ковбоя. Вот те на. Стиви Рэй была настоящей оклахомкой!

А потом она шокировала меня крепким приветственным объятием, напоминая мне милого щеночка из-за ее коротких курчавых волос и улыбающегося круглого лица.

– Зои, я рада, что тебе лучше! Я волновалась, когда услышала, что ты ранена. Я действительно рада, что ты наконец здесь.

– Спасибо, – ответила я, осматривая комнату, теперь и мою тоже, и чувствуя переизбыток эмоций и приближение слез.

– Немного пугает, не так ли? – Стиви Рэй наблюдала за мной большими серьезными глазами, наполненными слезами сочувствия. Я кивнула, не доверяя своему голосу.

– Знаю. Я проплакала всю первую ночь.

Я проглотила собственные слезы и спросила:

– Как давно ты здесь?

– Три месяца. И, подруга, я была так рада, когда мне сказали, что у меня будет соседка!

– Ты знала, что я приду?

Она энергично закивала:

– О да! Неферет сказала мне позавчера, что Ищейка почувствовал тебя и собирался отметить. Я думала, что ты приедешь вчера, но потом услышала, что с тобой произошел несчастный случай и тебя отвезли в больницу. Что случилось?

Я пожала плечами и сказала:

– Я искала бабушку, упала и ударилась головой. – Я не испытывала того странного чувства, говорившего мне закрыть рот, но и пока не была уверена, сколько могу рассказывать Стиви Рэй, поэтому вздохнула свободно, когда она кивнула, словно понимала. И больше не спрашивала о несчастном случае и не

упоминала мою странную покрашенную Метку.

- Твои родители испугались, когда тебя отметили?

- Очень. А твои?

- Вообще-то мама нормально это восприняла. Она сказала, что все, что вытащит меня из «Генриетты», хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Heffer (англ., слэнг) – корова, очень толстая женщина.

2

Кенни Чесни – американский кантри-певец.

Купить: https://telnovel.com/kast_f/mechenaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)